

18+

Не щеруй Невесту

Что будет, если мы нарушим всего лишь одно правило?

КЭРИАН КОУЛ

Запретное желание

Кэриан Коул

Не целуй невесту

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Коул К.

Не целуй невесту / К. Коул — «Издательство АСТ»,
2021 — (Запретное желание)

ISBN 978-5-17-152121-9

Думаю, вы могли бы сказать, что я была девушкой, попавшей в беду, а он — моим рыцарем в сияющих доспехах. Но если точнее, я была девушкой, которой сильно не везло, а он был парнем с кучей мускулов и татуировок. Джуд Счастливчик Лакетти был не просто сексуальным, задумчивым строителем... Он был моим личным героем, который, казалось, оказывался в нужных местах и в нужное время. Например, когда у меня сломалась машина и меня нужно было подвезти домой и когда я упала лицом на тротуар прямо перед ним и меня нужно было отвезти в отделение неотложной помощи. Это были не совсем мои лучшие моменты, но они были его... Мы стали друзьями, и не имело значения, что он был на шестнадцать лет старше меня. У нас было много общего — например, наша любовь к старой рок-музыке и винтажным быстрым машинам, а также наше отвращение к отношениям. Когда он обратился ко мне с безумной идеей помочь мне, я не смогла сказать «нет». Предполагалось, что это соглашение будет временным. Брак на бумаге и ничего больше. Это должно было быть легко, но это было не так. Потому что вот она я, восемнадцатилетняя, все еще учусь в средней школе и замужем за мужчиной, в которого я никогда не должна была влюбляться. У нас было только одно правило — не целовать невесту. Но мы нарушили это правило, и это навсегда изменило нашу судьбу.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-152121-9

© Коул К., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	54
Глава 11	60
Глава 12	70
Глава 13	74
Глава 14	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Кэриан Коул

Не целуй невесту

Роман

Посвящается незнакомцам, которые служат источником вдохновения, даже не подозревая об этом...

Carian Cole
Don't Kiss the Bride

* * *

Copyright © 2021. DON'T KISS THE BRIDE by Carian Cole
The moral rights of the author have been asserted
© Коваленко В., перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Джуд

Визг шин и дребезжащий в динамиках трек Митлоуфа Two Out of Three Ain't Bad отвлекают мое внимание от чертежей, над которыми я склонился. Хмуро смотрю на серебристый «Шевроле Корвет» 75-го года выпуска, въезжающий на соседнюю школьную парковку.

Это одна из моих любимых песен, но не в семь же утра в понедельник!

До сегодняшнего дня строительство этого жилого двухэтажного дома шло спокойно. Никакого шума проезжающих мимо машин. Никаких людей, слоняющихся вокруг. Ничего отвлекающего. Именно так, как мне нравится. Но теперь, когда летние каникулы закончились и дети вернулись в школу, все грозит измениться. Весь последний час шумные и хихикающие подростки слоняются по строительной площадке.

– Ни черта себе! – бормочет под нос мой напарник Кайл и издает долгий низкий свист.

– Что там? – вслед за ним смотрю я на школьную парковку, сворачивая чертежи и обматывая их резинкой.

Из «Корвета» выходит девушка, сдвигая солнцезащитные очки-авиаторы вверх на гриву волнистых светлых волос длиной до талии. Она закрывает дверь со стороны водителя небрежным движением бедра – движением, от которого у меня мгновенно пересыхает во рту. Давно проржавевшие дверные петли скрипят, но девушка, похоже, этого не замечает.

Я откидываю волосы с лица, загипнотизированный бахромой мокасин, скользящей вокруг ее обтянутых джинсами щиколоток. Черная футболка с красным принтом поцелуя выглядывает из-под замшевой куртки в тон. Девушка с важным видом удаляется от машины, словно кинозвезда, которая только что вышла из лимузина, а не из старой ржавой спортивной машины как минимум дважды старше ее.

Неужели эта девчонка попала во временной портал, который высосал ее из семидесятых и перенес прямо в сегодняшний день?!

– Ох, что бы я с ней сделал... – мечтательно произносит Кайл, облизывая губы, как будто девушка вот-вот станет для него давно желанным лакомством.

Мое нутро обжигает приступ отвращения и вины, когда я отрываю взгляд от девушки.

– Она подросток, чувак, – напоминаю я, сильно толкая Кайла в плечо. – Возвращайся к работе. Я плачу тебе не за то, чтобы ты пялился на цыпочек.

Смеясь, он подтягивает пояс с инструментами и надевает на голову каску.

– Черта с два она подросток, Лаки. Когда мы учились в старшей школе, наши девчонки выглядели совсем не так.

Это точно. Если бы они так выглядели, возможно, я был бы более заинтересован в том, чтобы держаться к ним поближе. Но я бросил учебу за шесть месяцев до окончания школы и устроился на работу на полный рабочий день.

Бросаю взгляд на темнеющее серое небо.

– Надвигаются тучи. Давай хоть что-нибудь доделаем, пока нас не накрыло дождем. Мы не можем позволить себе и дальше прохлаждаться на этом участке.

– Как скажешь, Джуд, – Кайл еще разок плотоядно косится на девушку, прежде чем вернуться к работе.

Схватив термос с кофе, я оглядываю свою команду из четырех человек и пытаюсь оценить наш прогресс. Мы отстаем на два дня из-за того, что домовладельцы попросили внести изменения в последнюю минуту, но я думаю, что мы сможем справиться с этим и приступить к следующему заказу по графику. Опоздание с завершением или началом работы выводит кли-

ента из себя, а мне не нужны пространные плохие отзывы о моей компании по всему Интернету.

– Эй, Скайлар! – слышится женский голос. – Звонили восьмидесятые. Они хотят вернуть свою одежду и машину!

Я завинчиваю крышку термоса, невольно вовлекаясь в подростковую драму, которая разворачивается в нескольких шагах от меня. Три девчонки смеются, следуя за девушкой из «Корвета» к школьному черному входу. Внезапно девушка останавливается и разворачивается к ним лицом в вихре светлых волос и замшевой бахромы. Девчонки отступают назад, натываясь друг на друга.

– Ух ты! – девушка оглядывает насмешниц с ног до головы, а затем задерживает взгляд на самой высокой и красивой из их компании – должно быть, главной дрянной девчонке, судя по всем тем фильмам, которые я видел. – Жаль, что твой папаша не смог купить тебе немного мозгов в дополнение к пластике носа, Пейдж. Моя машина – семидесятых годов.

Девчонки таращатся на нее, а затем одновременно закатывают глаза. Девушка не двигается с места, вынуждая их обойти ее стороной. Уголок ее рта приподнят в ухмылке.

Когда девушка поворачивается, чтобы войти в школу, она замечает, что я наблюдаю за ней. Удерживая мой пристальный взгляд своими сияющими глазами, она одаривает меня дразнящей улыбкой, выдувает розовый пузырь из жевательной резинки, лопает его и исчезает в здании.

Тыльной стороной ладони я быстро стираю глупую ухмылку со своего лица и переключаю внимание на работу. Красотки – не та роскошь, которую я могу себе позволить. *Особенно дерзкие милашки, которые всем своим видом так и пророчат мне неприятности.*

* * *

– Мне нужно еще что-нибудь сделать перед уходом? – спрашивает Кайл, просматривая чертежи, разложенные на столе в центре уже возведенного каркаса будущей пристройки.

Мы знаем друг друга со средней школы, и Кайл работает на меня с того момента, как я основал компанию десять лет назад. Из всех членов моей команды он всегда уходит с работы последним.

– Нет, можешь идти, – я вытираю пыльные руки тряпкой и засовываю ее в задний карман джинсов.

– До завтра.

– Я принесу тебе рогалик.

После ухода Кайла я быстро осматриваю рабочее место, чтобы убедиться, что вокруг ничего не валяется, затем бросаю инструменты в кузов своего пикапа. Со школьной парковки доносится характерный звук не желающего заводиться двигателя, и я не испытываю удивления, когда вижу, как блондинка колотит кулаками по рулю своего «Корвета».

Запрыгнув на переднее сиденье пикапа, закуриваю и включаю задний ход. В зеркале заднего вида я мельком вижу девушку, открывающую капот своей машины.

Она вообще хоть знает, что там искать?

Девушка наклоняется к двигателю и несколько секунд копается в нем, затем выпрямляется и скрещивает руки на груди.

– Черт, – бормочу я, разворачивая свой грузовик. Я не могу просто оставить девочку-подростка на парковке с заглушим двигателем. Темные грозовые тучи ползут по небу, и теплый ветерок колышет деревья. Дождь может хлынуть в любую минуту.

Загоняю свой грузовик на стоянку и паркуюсь рядом с «Корветом».

– Помощь нужна? – спрашиваю я, выглядывая из открытого окна.

Девушка собирается ответить, но тут же поджимает губы, когда в разговор вмешиваются два приближающихся старшекласника.

– Привет, Скайлар! Если тебе нужно, чтобы тебя подвезли, садись на мой агрегат, – парень хватается за свои яйца и истерически смеется.

– Он немного маловат для меня, Майкл! – кричит девушка в ответ. – Я лучше прокачусь на твоём папаше и заставлю тебя называть меня мамочкой!

Вот же маленькая язва! Она напоминает петарду, искры которой могут не только поразить, но и *устроить пожар*.

Парни больше не смеются.

– Пошла ты, шлюха!

Увидев, как я выпрыгиваю из грузовика, они сразу же уходят прочь.

– Тебе не стоило провоцировать эту шпану, – говорю я.

– Серьезно? – девушка приподнимает брови. – Я могу позаботиться о себе, чувак.

– Я вижу это, Искорка. Что случилось с твоей машиной?

– Искорка?!

– Ага. Ты так и брызжешь искрами. Как фейерверк.

Ее бирюзовые глаза становятся ярче, а уголок рта медленно приподнимается.

– Мой дедушка называл меня всезнайкой, так что, думаю, Искорка – это повышение в звании.

Я смеюсь и обхожу девушку, чтобы заглянуть под капот ее машины.

– Итак, что случилось?

Она пожимает плечами.

– Сама не знаю. Сегодня утром все было хорошо, а теперь не заводится.

– Садись за руль и попробуй завести мотор.

Девушка выполняет мою просьбу, но двигатель по-прежнему не заводится.

– Похоже, причина в топливном насосе, – сообщаю я, когда она выходит из машины.

– О-о... – девушка прикусывает нижнюю губу и смотрит на двигатель. – Его можно починить?

– Да. Но машину придется отбуксировать к автомеханику.

– Черт.

– Хотя, возможно, будет трудно найти запчасти для этой модели. Какого она года выпуска? Семьдесят пятого?

– Да. Мне ее подарили.

Я осторожно закрываю капот и вытираю руки о джинсы.

– Хороший подарок, но, вероятно, теперь он потребует денежных вложений. Это старая машина.

Девушка смотрит на темнеющее небо и глубоко вздыхает.

– Просто великолепно, – произносит она.

– Ты или твои родители пользуетесь услугами какого-нибудь местного автомеханика? – спрашиваю я.

Склонив голову набок, она моргает, глядя на меня.

– Нет, кхм... не пользуемся. Моя мама не водит машину.

– Я всегда обращаюсь к одному парню на Норт-Мейн. Он знает свое дело и не станет драть втридорога. Если хочешь, я вызову буксир и прослежу, чтобы твою машину отвезли туда.

– Хорошо. Спасибо, – девушка смотрит себе под ноги, а затем медленно поднимает взгляд на меня. – А буксировка – это дорого?

Тревога в ее глазах заставляет мое сердце сжаться.

– Ехать всего около пяти миль, так что это выйдет дешево. Может быть, баксов двадцать.

На ее лице отражается заметное облегчение. Я вынимаю из кармана телефон и договариваюсь о приезде эвакуатора. Девушка сжимает в руках сумочку и рюкзак и с несчастным видом смотрит на свою машину.

Я гадаю, сможет ли она позволить себе ремонт? Машина стара как мир, а одежда девушки, выдержанная в стиле хиппи-шик, возможно, была куплена в «Гудвилле»¹ от нехватки денег, а не из желания выделиться из толпы.

Я засовываю телефон в задний карман.

– Эвакуатор должен быть здесь примерно через пятнадцать минут.

Девушка кивает и улыбается.

– Спасибо за помощь.

– Не за что.

С неба срываются крупные капли дождя, падают на асфальт вокруг нас и разлетаются брызгами. Глаза девушки расширяются, когда вдалеке раздается раскат грома.

– Тебя подвезти домой? Я могу подождать с тобой, пока не приедет эвакуатор, – вокруг не видно других старшекласников, и совесть не позволит мне просто оставить ее здесь одну.

Взгляд девушки блуждает по татуировкам, покрывающим мои руки. Она разглядывает мои длинные взлохмаченные волосы. В ее глазах мелькает сомнение.

Я хороший парень, который сделал доброе дело? Или покрытый татуировками длинно-волосый подонок с перечнем судимостей длиной в милю?

Возможно, я и тот, и другой.

– Э-э...

– Ты видела утром, как я работал на этой стройке, – я киваю в сторону нового сооружения. – А здесь, на грузовике, название моей фирмы. Я не собираюсь делать ничего сомнительного. Просто пытаюсь быть милым.

– А ты думаешь, насильники и похитители ходят с соответствующими надписями на лбу? – выпячивает она подбородок. – У них есть работа. Иногда – жены и дети. Они выглядят более нормальными, чем ты.

– С тобой не поспоришь, – я качаю головой и смеюсь. – Ладно, тогда я пойду домой, пока мы не промокли. Эвакуатор будет здесь с минуты на минуту... Я уверен, водитель подбросит тебя домой. Или ты можешь вызвать такси.

– Подожди! – говорит она, когда я хватаюсь за дверную ручку. – Я на этой неделе вроде как на мели, – девушка с сомнением вздыхает. Все еще не уверена, может ли она доверять мне. – Если ты не против подвезти меня...

Выбирая между водителем такси, эвакуатора и первым встречным, она решила, что я – меньшее из зол.

Что ж, буду считать это комплиментом.

– Тогда запрыгивай, – дождевая капля размером с пятак падает мне на лицо. – Мы можем подождать в моем грузовике, пока не приедет эвакуатор.

Оказавшись на переднем сиденье моего пикапа, девушка кладет свой рюкзак между нами, как будто создает безопасный барьер.

– У меня есть нож, – сообщает она будничным тоном. – Если ты попытаешься что-нибудь сделать, я воткну его тебе в член.

Рассмеявшись, я закурываю сигарету.

– Полегче, Искорка. Не все стремятся заполучить тебя. Я никуда не сдвинусь со своего места, – затягиваюсь сигаретой и пытаюсь понять, просто ли параноик эта малышка или у нее был определенный опыт, который научил никому не доверять. – И не следует говорить людям, что у тебя есть оружие. Если бы я был плохим парнем, то теперь бы знал, что ты станешь

¹ Сеть американских секонд-хендов.

отбиваться ножом, и первым делом при нападении отобрал бы его у тебя. Если хочешь удивить меня оружием, на хрена ты о нем тогда предупреждаешь?

Она вздыхает и смотрит в окно.

– Спасибо за подсказку.

Будь она моей сестрой, я бы ответил: «*Все вы так поначалу говорите*», – и мы бы расхотались, как идиоты. Я бы также посоветовал ей не приносить оружие в школу. Но моей младшей сестры больше нет, и она уже не сможет посмеяться над моими шутками или прислушаться к моим советам.

Я откашливаюсь.

– Кстати, меня зовут Джуд. Но друзья называют меня Лаки ².

– И что, так и есть? – поворачивается ко мне девушка. – Ты счастливчик?

Тон ее голоса и то, как она пригвоздила меня взглядом, немного нервируют меня. Я качаю головой и выпускаю дым в окно.

– Не совсем. Моя фамилия Лаккетти. Вот откуда пошло это прозвище.

– А меня зовут Скайлар.

– Приятно познакомиться, – я бросаю сигарету в почти пустую бутылку из-под воды, стоящую на консоли. – Тебе нравятся семидесятые? «Корвет», Митлоуф, замшевая куртка с бахромой и мокасины. Я не вижу в этом ничего плохого, мне просто любопытно.

– Не знаю, – тихо отвечает она, покручивая серебряное кольцо на большом пальце. – Наверное, меня просто всегда тянуло к старым вещам. У них есть характер, и они дают мне своего рода утешение. Они были забыты и отброшены в сторону, – она задумчиво вздыхает. – Наверное, мне хочется любить их. Напомнить им, что они все еще важны. Есть ли в этом смысл? Или это звучит глупо?

Она смотрит мне прямо в глаза, ожидая, надеясь, что я не буду смеяться над ней. Она *хочет*, чтобы я понял. И я понимаю. Ее слова буквально проникли в мою душу.

– Это совсем не глупо, – говорю я, и тут к нам подъезжает эвакуатор. – В этом тонна смысла. Больше, чем ты думаешь.

Гораздо больше, чем она думает.

Ведь я тоже – забытая, отброшенная в сторону вещь.

² Lucky – в переводе с английского означает «счастливчик». (Прим. пер.)

Глава 2

Скайлар

Выслушав мои объяснения, как ехать к моему дому, Джуд молча ведет машину. Он явно не из тех людей, которые чувствуют себя обязанными заполнять тишину, придумывая случайные, глупые темы для разговора типа «*Какие школьные предметы тебе нравятся?*» или «*Как хорошо, что наконец-то пошел дождь*».

Вместо этого, даже не вынимая сигарету изо рта, он спрашивает:

– Тебе нравятся Pink Floyd, Искорка?

– О, да! А кому они не нравятся?

Ухмыльнувшись, он щелкает татуированным пальцем по кнопке на рулевом колесе, и нас окутывает своим неповторимым звучанием знакомые, завораживающие звуки *Dark Side of the Moon*³. Бог знает, сколько часов я пролежала в постели, вдыхая аромат благовоний, тлеющих на прикроватной тумбочке, глядя в потолок и слушая этот альбом, когда становилось невыносимо сопротивляться ударам судьбы. Это всегда успокаивает меня и придает сил.

– Нет ничего лучше музыкальной терапии, да? – Джуд словно читает мои мысли.

– И не говори, – киваю я.

Мы вместе подпеваем, что в любой другой ситуации выглядело бы глупо, но сейчас это не так.

– Можешь просто высадить меня здесь, дальше я дойду пешком, – предлагаю я, когда мы приближаемся к покосившемуся указателю с названием моей улицы.

Игнорируя меня, Джуд сворачивает налево на ухабистую дорогу.

– Не говори глупостей. Я же обещал отвезти тебя домой, а не высаживать на углу под дождем, – он качает головой и смотрит на меня. – Какой номер дома?

Я указываю направо и беру свой рюкзак и сумочку.

– Через два дома отсюда. Вон там, где стоит автофургон.

Джуд медленно въезжает на подъездную дорожку и паркует грузовик.

– Дома кто-нибудь есть? – наморщив лоб, Джуд осматривает погруженный в темноту дом, замечая, что плотные шторы, закрывающие окна, не пропускают ни малейшего проблеска света ни внутрь, ни наружу. Не видно никакого голубого свечения от телевизора, работающего в гостиной. Паутина покрывает светильник на крыльце, в котором уже много лет отсутствует лампочка.

– Мама дома. Она предпочитает темноту, потому что у нее бывают сильные головные боли, – я складно лгу. В конце концов, я уже много лет подряд повторяю эту ложь. – Спасибо, что помог мне сегодня и подвез.

– Не стоит благодарности.

Вместо того чтобы попрощаться, я медлю, задаваясь вопросом, увижу ли Джуда снова.

– Ты и дальше будешь работать в том доме? Возле школы?

Он кивает.

– Да, у нас там работы еще на несколько недель.

– Круто. Тогда, наверное, я еще не раз тебя увижу?

– Уверен, что увидишь, и не раз.

Я прикусываю губу, чтобы скрыть улыбку.

– Что ж, желаю тебе удачи, Джуд.

– И я тебе, Скайлар. Держись подальше от неприятностей.

³ Восьмой студийный альбом британской группы Pink Floyd.

– Постараюсь.

Когда Джуд улыбается, один уголок его рта приподнимается выше другого. Внезапно до меня доходит, что я нахожусь в машине наедине с суперсексуальным парнем *намного* старше меня, у которого волосы до плеч и синевато-серые глаза, а загорелое мускулистое тело покрыто татуировками. Он не красив и не лощен, но воплощает собой весь этот грубый, сексуальный образ строителя. Обтягивающая белая футболка, выцветшие пыльные джинсы и поношенные коричневые рабочие ботинки. *Притягательная небрежность*.

Я выпрыгиваю из его грузовика и захлопываю дверь, но Джуд не торопится уезжать. До меня доходит, что он пытается быть настоящим джентльменом во всем и хочет удостовериться, что я благополучно добралась до своей входной двери.

Вздыхнув, поднимаюсь по разбитой дорожке к дому, хватаюсь одной рукой за ручку ржавой сетчатой двери и поворачиваюсь, чтобы помахать Джуду, при этом нацепив на лицо улыбку, которая говорит: «*Да, я уже дома и в безопасности. Не о чем беспокоиться*».

Если бы только это было правдой.

Мне становится немного стыдно, когда Джуд улыбается и машет в ответ, а затем сдает задним ходом на проезжую часть, потому что он кажется хорошим парнем. Выждав несколько секунд, чтобы убедиться, что он больше не наблюдает за мной, я огибаю дом и прохожу мимо старого автофургона, в котором когда-то жил мой отец. Я встаю на деревянный ящик, приставленный к стене дома, открываю окно своей спальни и забираюсь внутрь.

Моя кошка по кличке Мусси-Пусси тут же спрыгивает с кровати и подбегает, чтобы потереться о мои лодыжки, высоко подняв хвост, будто флаг. Подхватываю ее на руки и зарываюсь лицом в мягкий серовато-коричневый мех.

– Я соскучилась по тебе, Пусси.

Кошка начинает громко мурлыкать и упирается лапами мне в плечо.

– А ты скучала по мне? Давай тебя накормим.

Я осторожно опускаю ее на пол и насыпаю сухой корм, а затем наливаю в миску воду из пластиковой бутылки.

Зевая, стаскиваю с себя одежду и бросаю ее в корзину, затем осторожно присаживаюсь на корточки над большим ведром за дверью шкафа. Вытираюсь небольшим кусочком туалетной бумаги и кладу его в пластиковый мешок для мусора, затем зачерпываю со дна ведра пропитанный мочой наполнитель для кошачьих туалетов и пересыпаю его в мешок для мусора. Я повторяю эти действия с кошачьим туалетом, стоящим по другую сторону шкафа, затем перевязываю пакет, чтобы выбросить завтра.

Начинаю свой ежедневный гигиенический ритуал с протирания лица и тела влажными детскими салфетками, затем втираю в волосы сухой шампунь.

Наконец, натягиваю просторную футболку и хлопчатобумажные шорты. Пусси вьется вокруг моих ног, добиваясь внимания, и это мне нравится. Улыбнувшись ей, я опускаюсь на колени перед маленьким холодильником, чтобы достать бутылку воды, два ломтика хлеба и баночку масла. Терзаясь переживаниями о машине, я намазываю масло на хлеб пластиковым ножом. Рассеянно жуя, пытаюсь подсчитать, сколько дополнительных часов мне придется работать в бутике, чтобы заплатить за тот ремонт, который потребуется. Моя подработка на неполный день предполагает не так уж много рабочих часов, так что мне могут потребоваться недели, чтобы накопить нужную сумму.

Похоже, мои беды не заканчиваются.

Прежде чем лечь в постель и включить телевизор, я отпираю три засова на двери своей спальни и выглядываю в темный коридор. Кислая, затхлая вонь сразу же наполняет ноздри. Желудок сводит от тошноты. Я слышу бормотание телевизора и вижу тусклые вспышки света, исходящие из гостиной в конце коридора.

– Спокойной ночи, мама! – кричу я, и мой голос дрожит.

Я не вижу ее, но знаю, что она по-прежнему там – на старом зеленом диване. Со времен моей последней попытки выйти из спальни в дом прошло несколько месяцев, но я знаю, что мама окружена горами вещей, которые, возможно, уже достигли потолка. Чтобы попасть в любую другую комнату или даже к входной двери, мне пришлось бы протискиваться по узким проходам и перелезать через кучи коробок и хлама, покрывающих пол. Кухня и ванная настолько грязные и заваленные вещами, что я перестала ими пользоваться два года назад. Даже старый автофургон до краев набит ветхой одеждой, одеялами, искусственными растениями, праздничными украшениями – словом, всякой чепухой. Мои надежды переехать в автофургон, пока тот освободился, рухнули, когда мама загрузила его вещами менее чем через месяц после ухода отца.

Моя мать страдает синдромом патологического накопительства.

Я была вынуждена укрыться в своей спальне, не имея возможности пользоваться ванной и водопроводом, как обычный человек. В беспорядочно наваленных кучах можно найти, наверное, двести бутылок шампуня, кондиционера и жидкого мыла, но если я попытаюсь взять хоть одну, у моей мамы будет истерический припадок. Мне приходится постоянно держать дверь своей спальни закрытой, потому что в ее глазах это ценная свободная площадь. Пространство размером двенадцать на четырнадцать футов ⁴, которое мама могла бы заполнить тысячами копеечных товаров, статуэтками животных в натуральную величину, беговыми дорожками или шубами из искусственного меха.

Мама никогда не пользуется ничем из того, что покупает. Покупки просто добавляются в музей ее вещей. Но каким-то странным образом все это доставляет ей определенное удовлетворение, которого я точно никогда, ни за что не пойму.

Мой отец прожил в автофургоне почти четыре года, не в силах справиться со всем этим. Затем в один прекрасный день он ушел, оставив мне записку с извинениями и осознание того, что теперь я должна сама заботиться о себе в дебрях этого дома. На протяжении долгих лет отец много раз пытался поговорить с мамой, заставить ее обратиться к врачам, но она отказывалась. Я пыталась тоже, но она меня не слушает. Она замолкает и уходит в себя. Теперь она почти не разговаривает со мной. Да и как ей со мной поговорить, когда нам приходится пробираться через горы мусора, чтобы физически оказаться в одном и том же пространстве? Вместо этого мне приходится звонить ей или отправлять сообщения, чтобы пообщаться. Раньше я задавалась вопросом, волнует ли маму то, как мне живется. Переживает ли она из-за того, что я лазаю по окнам, использую ведро в качестве туалета и прячусь в своей комнате с кошкой.

Впрочем, нет смысла гадать, потому что я знаю ответ.

Я закрываю дверь спальни и снова запираю ее со вздохом облегчения. Мне удалось создать здесь свой собственный маленький безопасный мирок на двоих с Мусси-Пусси. У нас есть все, что нам нужно, чтобы выжить. Можно даже представить, будто кошмара по ту сторону двери не существует.

Но в то же время постепенно мне начинает казаться, что меня тоже не существует.

⁴ Примерно три на четыре метра. (Прим. ред.)

Глава 3

Скайлар

– И когда тебе вернут машину? – интересуется Меган, пока мы проходим третий круг по стадиону. Легкий туман увлажняет мою кожу и завивает волосы. Каждый учебный год мне ставили физкультуру первым уроком, и выпускной год ничем не отличается. Это отстойно – быть потной и возбужденной с самого утра, когда не успел еще толком проснуться, но плюс в том, что после урока физкультуры я могу принять горячий душ. Это решает мою проблему, связанную с невозможностью принять душ дома, и не вызывает никаких подозрений у моих одноклассников. Летом у меня был интересный и неприятный опыт, когда приходилось дважды в неделю ездить на стоянку грузовиков, чтобы принять душ.

Никто не знает, насколько плохо стало моей матери. Даже Меган, а ведь она с четвертого класса считается моей лучшей подругой. Через некоторое время она просто смирилась с тем, что я из тех людей, кто никогда не приглашает друзей домой. В любом случае было бы безумием не тусоваться у нее дома. У них есть домашний кинозал и бассейн.

Я смахиваю комара со своего лица.

– Сама толком не знаю, когда получу машину обратно. Автомеханик написал мне сегодня утром, что даст знать после того, как выяснит, что с ней не так.

– Надеюсь, это не займет много времени. Я могу забирать тебя каждое утро, но не смогу подвозить домой после школы, потому что у меня практически на каждый день запланировано всякое дерьмо.

Единственное внеклассное занятие, которое есть у меня, – это работа на неполный рабочий день.

– Ничего страшного. Я могу пойти после школы в бутик или домой пешком. Я собираюсь спросить Ребекку, можно ли мне поработать в выходные несколько дополнительных часов. Кто знает, во сколько мне обойдется ремонт машины.

– Тебе следовало просто купить подержанный «Хёндэ». Они поставляются с гарантией. «Корвет» классный и достался тебе бесплатно, но он практически разваливается на части.

– «Хёндэ» – это просто автомобиль. В нем нет никакого характера.

Или сентиментальной ценности.

«Корвет» принадлежал моему деду. Несколько лет назад дедушка купил его в качестве проектного автомобиля, надеясь полностью переделать его и подарить мне на выпускной в средней школе. Я уверена, что это был, в некотором смысле, хитрый план не дать мне бросить учебу. Я часто сидела в «Корвете» в старом дедушкином гараже, грезя о том времени, когда смогу поехать на этом автомобиле. К сожалению, у жизни оказались другие планы, и «Корвет» достался мне от бабушки по завещанию. Теперь его мечта переделать машину стала моей. А пока я горжусь тем, что езжу на этом автомобиле как есть.

Миссис Стивенс, наша учительница физкультуры, качает головой, когда мы проходим мимо трибун, на которых она сидит.

– Дамы, по дорожке надо *бегать*.

– Какой смысл бежать, если за нами никто не гонится? – с невинной улыбкой отвечаю я. Ничуть не удивившись, она поправляет на переносице очки в темной оправе.

– По крайней мере, иди быстрее. Ты здесь не для того, чтобы тренировать язык.

Меган смеется, собирая длинные черные волосы в конский хвост.

– Эта влажность отвратительна, – говорит она мне. – Я не хочу тренировать вообще *ничего*.

– Аналогично.

– В пятницу вечером нам следует... – она резко замолкает. – *Ogo!* Святые бицепсы, Бэтмен!

– А? – в замешательстве я следую за ее взглядом и натываюсь прямо на Джуда, который идет по тротуару к дому, где у него развернуто строительство. В руке у парня покачивается маленький пластиковый пакет из круглосуточного магазина, расположенного в квартале отсюда.

– Это *он*, – говорю я.

– Что за «он»? – спрашивает Меган, все еще не сводя с него глаз.

– Парень, который подвез меня домой. Джуд.

Джуд поворачивается и медленно расплывается в улыбке, узнав меня. Группка одноклассников пробегает мимо по изгибу дорожки, на мгновение закрывая его от нас.

– Вы занимаетесь неправильно, – шутит Джуд после того, как те убегают.

– Мы тренируем наши рты, – отвечает Меган, замедляя темп ходьбы и заставляя меня сделать то же самое, чтобы мы держались на одной линии с Джудом.

Рассмеявшись, он переводит взгляд на меня.

– Как машина? Есть какие-нибудь новости?

– Пока нет.

Миссис Стивенс свистит нам в свисток.

– Дамы, если вы не начнете двигаться, то обе получите наказание. Мистер Лаккетти, я уверена, вы помните, каково это.

Мои щеки пылают от смущения. Неужели Джуд учился в этой школе?!

– Да ладно, признайтесь, что скучаете по мне, миссис Стивенс, – Джуд одаривает ее дерзкой ухмылкой.

– Иди куда шел, Лаки, – в ее голосе слышится нотка нежности.

– Ты не говорила мне, что он сексуальный, – говорит Меган после того, как Джуд исчез за стенами новой пристройки, которую возводит его команда. – Как ты могла об этом не упомянуть?!

– Я не разглядывала его, Мэг, – возможно, это и ложь. Возможно, я совсем немножко его поразглядывала. – Ему же где-то за тридцать.

– Верно, но он все равно тот еще лакомый кусочек.

– Я не знала, что он учился в нашей школе. Неужели миссис Стивенс работает здесь всю свою жизнь?

Меган пожимает плечами.

– Возможно. Держу пари, что этот свисток – единственное, что она когда-либо брала в рот.

Я корчу ей рожу.

– Отвратительно. Я бы предпочла не представлять, как она что-либо берет в рот.

– А я бы хотела представить, как отсасываю этому парню. Ты видела все эти татуировки? У него есть симпатичный младший брат?

– Успокойся. Он просто подвез меня. Я не выясняла его биографию.

Меган оглядывается на дом, но Лаки нигде не видно.

– Надеюсь, что парни будут такими же красивыми, когда мы достигнем этого возраста. Я не хочу выходить замуж за симпатичного, чтобы потом спать с лысым и дряхлым, – она драматически вздрагивает.

Я толкаюсь плечом в ее плечо.

– Ты спятила. Когда выходишь за кого-то замуж, предполагается, что ты будешь любить его, несмотря ни на что. Это часть клятвы.

– Давай дадим обещание рассказать о том, что почувствуем, когда станем тридцатилетними и будем замужем и с детьми. Мы должны будем честно признаться друг другу, влечет ли нас к нашим мужьям по-прежнему.

Я знаю нас и нашу дружбу. Через пятнадцать лет у нас обязательно состоится этот разговор.

– Почему ты вообще думаешь о браке и детях? Мы еще даже не окончили среднюю школу.

– Разве это не цель всей нашей жизни? – пожимает плечами она. – Пышная свадьба, двое детей, красивый дом, успешная карьера? Моя мама уже планирует мою свадьбу, а я еще даже ни с кем не встречаюсь.

– Это цель не моей жизни, – мы направляемся к дверям, чтобы войти внутрь. – Я никогда не выйду замуж.

– Только не говори мне, что ты все еще придерживаешься идеи жить в автофургоне с кучей кошек?

Меган хочет того, что есть у ее родителей. Большой дом в самом конце тупиковой улицы. Семья. Частые вечеринки. Успешная карьера. Я не виню ее, потому что в ее мире это довольно близко к понятию идеальной жизни.

Но мой мир другой.

– Что плохого в том, чтобы жить в автофургоне? Можно отправиться куда угодно. Жить где угодно. Я не хочу оказаться в ловушке. В каком-то месте *или* с человеком. Я хочу быть свободной.

Меган приподнимает бровь.

– Тогда твоей свободолюбивой заднице время от времени стоит парковать свой фургон на моей подъездной дорожке, чтобы навещать меня.

– Черт возьми, я так и сделаю. А если ты будешь недовольна своим дряхлым мужем, мы уедем вместе в моем фургоне, как Тельма и Луиза ⁵.

– Заметано.

* * *

День тянется мучительно долго. Мне скучно и беспокойно, на каждом уроке я поглядываю на висящие на стене часы, считая минуты до трех часов дня, когда смогу отправиться на работу. Раньше мне нравилось приходить в школу каждый день. Примерно до третьего класса это было весело и увлекательно. Я впитывала знания как губка, и у меня было много друзей. Помню, как ходила на вечеринки по случаю дней рождения, где мы надевали дурацкие колпаки и пели. Ели торты. Но примерно в четвертом классе дела дома пошли хуже. Или, возможно, я просто наконец-то стала достаточно взрослой, чтобы понять, что они всегда шли *плохо*. Школа стала убежищем.

Но я не могла убежать от себя. От страхов, которые поселились в моей голове, или от болезненного чувства, сжимавшего мою грудь.

Я постепенно отдалялась от всех своих друзей и одноклассников, пока Меган не решила, что я стану ее лучшей подругой. Она была новенькой, сидела в классе передо мной. В свой первый учебный день она развернулась и выложила мне всю историю своей жизни в одном огромном, сбивчивом, бессвязном предложении. Меган была очень оживлена: руки летали, черные волосы вздрагивали, глаза то расширялись, то закатывались. Я моргала и кивала ей целых десять минут, плененная ее чарами, пока она говорила и говорила.

– У тебя очень красивые глаза, – сообщила она, когда, наконец, перевела дыхание.

⁵ «Тельма и Луиза» (1991) – драма Ридли Скотта о женской дружбе.

С этого момента мы стали лучшими друзьями.

Иногда я жалею, что не могу уговорить Меган разделить со мной мечту о жизни в автофургоне. Я буду скучать по ней, когда она уедет в колледж и начнет совершенно новую жизнь. Мы бы получали огромное удовольствие, разъезжая по стране вместе, слушая отличную музыку, делая сотни селфи в разных местах. Вместо этого мы будем общаться с помощью текстовых сообщений и видеочата.

Наконец в три часа дня звучит звонок, и я топаю полторы мили через весь город до магазина *Belongings*, в котором проработала почти год. Здесь продаются местные изделия ручной работы, такие как украшения, одежда, предметы домашнего декора, свечи, конфеты, куклы и даже косметика и мыло. Хотя снаружи магазин выглядит довольно маленьким, внутри он намного больше и разделен на четыре комнаты. Все комнаты оформлены так, будто это чей-то настоящий дом: фотографии на стенах, украшения в шкатулках, подставки и кружки на столах – возникает ощущение, что вы прогуливаетесь по дому, где можно купить все, что вам приглянется. Мне нравится этот уют.

Ребекка, хозяйка бутика, печет печенье на маленькой кухне в задней части магазина, где раньше была крошечная закусочная. Два года назад она развелась с мужем. Ребекке тридцать два года, и у нее нет детей, поэтому, очевидно, после развода она увлеклась выпечкой, чтобы быть «слишком занятой для возврата к плохим отношениям», как она выразилась. Оказалось, что у нее талант к приготовлению потрясающих десертов. Она кладет печенье в милые маленькие пакетики, чтобы клиенты могли взять его с собой. Ребекка всегда пытается угостить и меня, но я еще ни разу не пробовала ее выпечку. Тем не менее аромат в магазине восхитительный. Иногда мне кажется, что половина посетителей приходят только за печеньем.

Колокольчик на двери бутика звенит, когда я распахиваю ее, и поток кондиционированного воздуха освежает меня после прогулки по удушающей жаре.

– Привет, Ребекка! – кричу я. – Извини, что сегодня опоздала. Мне пришлось идти пешком.

Она выглядывает из-за вращающейся витрины с хрустальными ожерельями и заправляет за ухо длинную прядь черных волос.

– Все в порядке. Ты же знаешь, я не переживаю из-за таких вещей. Что-то случилось с машиной?

Я бросаю сумочку и рюкзак за прилавок, и приступ головокружения заставляет меня схватиться за край витрины. Ругая себя за то, что не вызвала такси в такую влажную погоду, откручиваю крышку с бутылки с водой и делаю глоток. Неприятное ощущение постепенно проходит.

– Вчера вечером мне пришлось отбуксировать ее на ремонт, – к счастью, вчера мне не надо было идти на работу по случаю первого учебного дня. – Понятия не имею, что с ней случилось, она все еще у механика.

– Мне жаль это слышать. Не переживай из-за небольших опозданий, раз уж так получается. Серьезно, – ее взгляд задерживается на моем лице. – Ты хорошо себя чувствуешь? Выглядишь бледной.

– Я в порядке, – киваю я. – Просто на улице очень влажно. Я хотела спросить, не нужна ли моя помощь на выходных? Не знаю, во сколько обойдется ремонт...

Я замолкаю, смущенная, и надеюсь, что Ребекка не подумает, что я пытаюсь воспользоваться ее сочувствием, чтобы выбить себе дополнительные часы.

– Хм-м, – она оглядывает магазин. Ее взгляд внезапно загорается. – На самом деле, полагаю, мне требуется кое-что сделать, но на это у меня нет ни времени, ни терпения. Мне нужны фотографии магазина и товаров для размещения в социальных сетях. Судя по всему, мне стоит публиковать хотя бы одну фотографию в день. Сейчас такое в моде, а я совсем забросила эту идею, потому что это отнимает уйму времени.

– На самом деле, это больше похоже на развлечение. Я подписана на многих людей и разную продукцию в «Инстаграме»⁶. Я даже пыталась обзавестись своими собственными подписчиками. Могу заглянуть на страницы других бутиков и почерпнуть кое-какие идеи.

– Это именно то, что мне нужно. Даже не знаю, почему мне не пришло в голову попросить тебя сделать это раньше. У тебя хорошая камера на мобильном телефоне?

Мое сердце немного замирает, когда я вытаскиваю свой старый телефон из кармана.

– Хм, не очень хорошая. Экран треснул. Не знаю, получится ли...

Ребекка с улыбкой жестом останавливает меня.

– Знаешь что? Я подумывала о том, чтобы купить новый телефон. Мой тоже старый. Сегодня вечером я заеду в торговый центр и куплю два новых айфона. Моя сестра говорит, что камера в них потрясающая. Один из них я подарю тебе.

– О, Ребекка! Я не могу принять такой подарок. Ты знаешь, какие они дорогие?

Она в замешательстве.

– Будем считать это рабочим инструментом. Было бы очень полезно, если бы ты взяла работу с соцсетями на себя. Ты сможешь получить доступ к страницам магазина, использовать всякие классные фильтры и отвечать на любые комментарии или вопросы, которые оставляют люди. Это может стать новой частью твоей работы, если тебе интересно. А я повышу твою зарплату.

Новый телефон, новые обязанности, *да еще и* прибавка к жалованью? Я чувствую себя так, словно только что выиграла лотерейный билет на миллион долларов.

Мне ужасно хочется обнять Ребекку, но это, вероятно, было бы непрофессионально и неловко, поскольку она мой босс, поэтому я подавляю свое желание.

– О! – говорю я, едва сдерживая слезы счастья. – Спасибо! Конечно, мне интересно. Я отлично справлюсь, обещаю. Изучу хэштеги. Сделаю ту классную штуку с колорированием, которую делают все популярные аккаунты. Возможно, мы сможем разыграть коробку твоего знаменитого печенья среди подписчиков.

Переполненный идеями, мой мозг уже крутится, как волчок.

– Видишь? Ты разбираешься в этом намного лучше меня. Можешь приехать в эти выходные и начать фотографировать. Только отмечай для меня отработанные часы.

Кажется, наконец-то все наладилось.

⁶ Здесь и далее: деятельность метаплатформы Meta Platforms Inc. и ее соцсетей Facebook и Instagram запрещена на территории РФ.

Глава 4

Джуд

Вся эта неделя показалась мне бесконечной и адской. Сегодня я запланировал уйти с работы пораньше, так как наступила пятница... но нет. Не удалось. Три часа назад домовладельцы перехватили меня на выходе, желая обсудить подробности хода работ и незначительные дополнения. По крайней мере, пока они довольны результатом. Думаю, я бы спрыгнул с крыши, если бы это было не так.

Забравшись в грузовик, я тут же наливаю немного воды на бумажное полотенце и протираю лицо, шею, руки и кисти. Жара и влажность в последнее время свирепствовали, пыль покрывала меня, как вторая кожа. Теперь мне хочется лишь вернуться домой, принять душ и расслабиться на диване с Кэсси и хорошим фильмом.

Проехав примерно три мили по городу, я вижу девушку, идущую по тротуару с рюкзаком с нарисованным блестящим черепом за худыми плечами. Осознав, что это Скайлар, я колеблюсь, раздумывая, стоит ли мне снова предложить подвезти ее. На улице чертовски жарко, но дождя нет, и еще не стемнело.

Грызущее где-то глубоко внутри чувство напоминает мне, что в момент исчезновения моей младшей сестры не было темно и дождь не шел.

Со вздохом я останавливаю свой грузовик немного впереди девушки и открываю окно со стороны пассажира.

Скайлар подходит к окну с улыбкой на лице.

– Ты преследуешь меня, Лаки? – дразнит она.

– Тебе все еще не вернули тачку?

– Думаешь, я бы шла пешком по этой адской жаре, если бы ее вернули?

Я протягиваю руку через сиденье и открываю для девушки дверцу.

– Запрыгивай, Искорка. Я тебя подвезу.

– Возможно, тебе следовало устроиться работать в такси, – говорит она после того, как садится в машину. На этот раз она кладет свои вещи на пол между ног, а не между нами.

Взглянув в зеркало, я вливаюсь обратно в поток машин.

– Ты единственная, кого я подвозил. Возможно, я просто стану твоим личным шофером.

– Я не против, – со смехом отвечает она.

– Что-нибудь слышно о машине?

– Ты был прав. Причина в топливном насосе. Механик заодно отрегулирует его, раз уж взялся. Я заберу машину в понедельник, когда меня сможет подвезти подруга.

Я киваю.

– Отлично. Тебя отвезти домой или куда-нибудь еще?

– Домой, пожалуйста.

– Не возражаешь, если я по дороге захвачу себе перекусить? Я умираю с голоду.

– Все нет.

– Уже почти семь. Где ты так задержалась?

– Я работаю неполный рабочий день в бутике Belongings.

– Магазин Ребекки?

– Ты ее знаешь?! – всем телом поворачивается ко мне Скайлар.

– Типа того. Мы вместе ходили в школу, – мы знали друг друга, но близко не дружили. Ребекка была частью одной крутой тусовки, а я входил в другую, еще более крутую, тусовку.

– Я не знала, что ты ходил в мою школу в юности.

То, как она произнесла «*в юности*», заставляет меня почувствовать себя старым. Мне тридцать четыре, а не семьдесят!

– Это маленький город, – киваю я. – Я прожил здесь всю свою жизнь.

– Я тоже.

Я въезжаю на стоянку у закусочной и встраиваюсь в очередь к окошку выдачи.

– У тебя есть братья или сестры?

Скайлар качает головой.

– Нет, я единственный ребенок. Но у меня есть кошка. А у тебя?

– Сестра, – я не могу заставить себя сказать «у меня *есть* сестра» или «*была* сестра». –

И собака.

– Что за собака?

– Маленький коричнево-белый пушистик. По-моему, порода называется «шиза».

– Это ши-тцу, – смеется Скайлар.

– Гузунхейдт ⁷.

Она улыбается.

Я подъезжаю к светящейся вывеске с меню и диктую в динамик свой привычный заказ, а затем поворачиваюсь к Скайлар:

– Ты чего-нибудь хочешь? Я угощаю.

Моргая, она смотрит мимо меня в меню.

– Э-э. Просто бутылку воды. И гамбургер без котлеты и других добавок.

– Очень смешно, – качаю я головой. Заказываю ей воду, затем подъезжаю к следующему окошку, чтобы заплатить, прежде чем отъехать на стоянку.

– Не люблю есть за рулем, – объясняю я, разворачивая еду и протягивая Скайлар воду.

– Спасибо, – тихо отвечает она, глядя на бутылку у себя на коленях.

Откусывая от своего бургера, я протягиваю ей коробку с приправленной рифленой картошкой фри.

– Хочешь?

Скайлар качает головой, все еще не поднимая глаз.

– Что не так? – никто никогда не отказывается от картошки фри.

– Ничего.

– Выкладывай, Искорка.

Она глубоко вздыхает.

– Ты не взял мне булочку.

Я проглатываю свою еду и смотрю на нее во все глаза.

– Что?! Я думал, ты шутишь. Ты серьезно хотела просто обычную булочку от гамбургера? Без котлеты и прочего?!

Почему?!

– Да.

Она абсолютно серьезна.

– Подожди здесь, – я откладываю свой бургер в обертке на консоль.

Скайлар что-то говорит, но я не слышу ее, потому что уже выпрыгнул из грузовика и закрыл за собой дверь. Если она хочет чертову булочку от гамбургера, я принесу ей ее. Я ташусь в ресторан, выстаиваю десять минут в очереди и игнорирую безумный взгляд, который бросает на меня парень за стойкой, когда я заказываю только булочку от гамбургера без котлеты, без сыра... без ничего.

– Я даже не знаю, сколько она стоит, так что берите просто так, – парень протягивает мне пакет.

⁷ Исковерканное Gesundheit (нем. Будь здоров, в ответ на чье-то чихание).

– Спасибо, – я бросаю доллар в банку для чаевых.

– Джуд, боже мой, тебе не обязательно было это делать, – говорит Скайлар, когда я возвращаюсь в грузовик. – Мне так стыдно...

– Не переживай, – перебиваю я, вручая ей пакет. – Я предложил купить тебе что-нибудь поесть и сам же облажался. Теперь просто исправил свою ошибку.

Ее лицо озаряется застенчивой улыбкой, которая, вероятно, могла бы остановить движение на дороге.

– Спасибо. Для крутого парня ты на самом деле довольно милый.

Я едва не подавился картошкой фри.

– Ты думаешь, я выгляжу крутым?

– Немного, да. Ты очень колоритный.

Рокошущий смех рвется из моей груди.

– И-и-и... в чем же здесь крутость?

– Ладно, это неудачное слово. Все дело в твоих татуировках, – ее взгляд скользит по моей руке, а затем возвращается к лицу. – Мускулы. Волосы.

По крайней мере, она не лапает меня, как обычно это делают другие. Все вечно хотят потрогать мои татуировки и волосы, и это пугает меня до чертиков.

– Почему ты захотела только булочку? Там продаются салаты, курица, фруктовые нарезки, молочные коктейли. Я надеюсь, ты не подумала, что можешь меня разорить. Я могу позволить себе угостить тебя нормальной едой.

– Я просто захотела только булочку, – слегка пожимает плечом Скайлар.

– Хорошо... Главное, чтобы ты осталась довольна.

Эй, кто я такой, чтобы судить? Раньше мне нравилось разминать арахисовое масло и желе в миске и есть их ложкой – без хлеба.

– Сегодня мне повысили зарплату, – вдруг сообщает Скайлар, снимая кунжутные семечки со своей булочки и складывая их в бумажный пакет. – Я немного взволнована.

– Поздравляю. В чем заключается твоя работа?

– Обычно я работаю с кассой, меняю витрины и тому подобное. Но теперь Ребекка поручила мне вести страницы магазина в социальных сетях. Она купит мне новый айфон, чтобы я фотографировала товары и выкладывала снимки в Интернет.

Ничего себе. Маленький бутик Ребекки, должно быть, преуспевает, раз она раздает новенькие айфоны работающему неполный рабочий день подростку.

– Это кажется намного веселее, чем работать с кассой.

– Ты тоже так думаешь? – Скайлар практически визжит, и ее волнение проступает в широкой, ослепительной улыбке. – Я начну работать в эти выходные, чтобы оплатить ремонт машины.

Приятно видеть, что она так увлечена. В старших классах я продавал наркотики, чтобы заработать себе на жизнь, но не собираюсь говорить об этом Скайлар, поэтому просто киваю. Прошлое должно остаться в прошлом.

* * *

Из-за того, что я останавливался перекусить и отвозил Скайлар через весь город, я возвращаюсь домой намного позже, чем планировал, и у Кэсси начинается истерика, стоит мне только переступить порог. Уверен, что последние три часа она пялилась на дверь, ходила взад и вперед по дому, вся на нервах.

– Тише, девочка, – говорю я, пока она бежит кругами вокруг моих ног, виляя пушистым хвостом.

Опустившись на колено, я глажу ее по голове, а она хрипло лает и топает лапой, в своеобразной манере отчитывая меня.

Кто-то должен держать меня в узде. Даже если это милая собачка.

Выгуляв ее во дворе, я сразу же поднимаюсь наверх, на ходу снимая рубашку, а собака следует за мной по пятам.

– Мы посмотрим фильм после того, как я приму душ, – сообщаю я ей, и она наклоняет голову в ожидании, потому что знает, что слово «фильм» означает «сидеть на диване». Это, вероятно, до ужаса много говорит о моей жизни и социальном статусе.

Я стою под душем, вдыхая пар, пока горячая вода не становится холодной. Мои мысли возвращаются к тому, как я высадил Скайлар у того жуткого темного дома. Отъезжая от ее подъездной дорожки, я взглянул в зеркало заднего вида и увидел, как она влезает в окно.

Не могу не задаться вопросом, что все это значит.

Моя сестра тоже часто лазала через окно туда и обратно. Бегала на свидания с мальчиками. На вечеринки. Кто знает, куда еще?

Когда она пропала, мы расклеили плакаты в радиусе ста миль. Я не работал целый месяц – безостановочно искал ее. Шестнадцатилетние девочки не пропадают без вести в нашем маленьком городке. Прибыла даже поисковая группа со специальными собаками-ищейками и вертолетом. Две недели спустя я получил сообщение посреди ночи.

Эрин: *«Прекрати поиски, Джуд. Я не пропала. Я ушла».*

Я: *«Где ты, черт возьми, находишься? Вернись домой».*

Эрин: *«Просто остановись. Ладно?»*

Я: *«Скажи мне, где ты находишься. Я приеду за тобой. Я просто хочу, чтобы ты вернулась домой».*

Эрин: *«Пожалуйста, перестань искать меня. Мне пора идти».*

Больше я о ней ничего не слышал, а вскоре после этого номер ее мобильного телефона был отключен. Прошло десять лет, а никаких зацепок или свидетелей так и не появилось. Дело закрыли. Копы в сущности списали ее со счетов как сбежавшую, особенно после того, как я показал им сообщения. Я до сих пор сомневаюсь, что именно сестра отправила эти сообщения. Ее последняя фраза – «мне пора идти» – не давала мне покоя. Мы были близки, и я не могу поверить, что она сказала бы мне такое напоследок. Она бы либо написала что-нибудь смешное, либо оставила простое «люблю тебя». Неужели ее заставили прекратить переписку силой? Или кто-то похитил ее и отправил это с ее телефона, чтобы сбить нас с толку? Ее могли убить. Или продать какому-нибудь психу. У меня кровь стынет в жилах при одной мысли об этом. Или, возможно, моя сестра действительно сбежала и сейчас живет где-то в мире лучшей, по ее представлениям, жизнью.

Надеюсь, что это так.

Позже, когда я уже растянулся на диване с миской попкорна, а собака свернулась калачиком у моих ног, на мой телефон пришло сообщение.

Скайлар: *«Просто хотела поздороваться и поблагодарить тебя за поездку и ужин».*

Я: *«Булочка от гамбургера – это не ужин».*

Скайлар: *«Ужином может быть что угодно;-)»*

Я: *«Тожe верно».*

Скайлар: *«Это мы с моей кошкой прямо сейчас».*

Появляется фотография, на которой девушка и пушистая серая кошка сидят на полу. Волосы Скайлар собраны в огромный неряшливый пучок.

Я быстро делаю снимок себя и Кэсси и отправляю его ей.

Я: *«А вот я и моя шизо-собака».*

Скайлар: *«ЛОЛ. Она милая».*

Я: *«Хороших выходных. Насладись новой работой».*

Скайлар: *«Спасибо! Желаю тебе приятного отдыха».*

Ранее я дал Скайлар номер своего мобильного на случай, если ей понадобится помощь, чтобы забрать машину. Я не ожидал, что она начнет посылать мне всякие сообщения. Если так посудить, мне, вероятно, не стоило давать ей свой номер. Я не хочу становиться личным водителем или день и ночь получать безумные сообщения, испещренные смайликами.

Но я не могу отрицать, что довольно приятно получить сообщение от кого-то, кто не просит ни о чем и не жалуется на что-то, а просто думает обо мне и хочет поздороваться.

Ну все, мне крышка.

Глава 5

Скайлар

Как ни странно, у меня никогда не было нового мобильного телефона. Все три, что я сменила, достались мне от мамы и каждый раз попадали мне в руки уже липкими, побитыми и потрескавшимися.

Но этот новый айфон от Ребекки потряс меня.

Он словно произведение искусства. Уютно лежит и поблескивает в прочной девственно-белой коробке. Идеальный сияющий черный экран и – о Боже мой! – самая красивая в мире лавандово-фиолетовая отделка.

Я практически боюсь к нему прикасаться. Он *настолько* красивый!

– Скайлар?

Я поднимаю глаза, чтобы встретиться с вопрошающим взглядом Ребекки, и меня срывает с катушек. Я не могу себя контролировать. Обнимаю Ребекку и прижимаю к себе, не заботясь о том, что это может выглядеть непрофессионально. К счастью, сейчас в магазине нет покупателей.

– Ребекка, большое тебе спасибо! Он потрясающий!

Она смеется и обнимает меня в ответ, а затем медленно отстраняется.

– Это всего лишь телефон. Но я очень рада, что он тебе нравится. Я подумала, что пурпурный цвет тебе идет.

– Нравится? Да я его уже обожаю! Это самая изумительная вещь, которая у меня когда-либо была. Обещаю, что буду обращаться с ним аккуратно. И если тебе когда-нибудь придется меня уволить, я верну его обратно. Я не сломаю его. Подберу для него очень хороший чехол.

– Скайлар, он твой. Тебе никогда не придется отдавать его обратно. Я не собираюсь тебя увольнять. Я очень рада, что ты взяла на себя работу с социальными сетями. Мне любопытно посмотреть, повысит ли это продажи.

– Мне тоже, – я нажимаю кнопку включения на телефоне. – Как только я его настрою, сразу загружу приложения, о которых читала вчера вечером и начну фотографировать.

– Наслаждайся, – Ребекка улыбается. – И не беспокойся о кассе сегодня. Я всегда работаю за ней сама по выходным. В любом случае многие завсегдатаи заходят просто поболтать.

Она делает несколько шагов к передней части магазина, затем останавливается.

– Я испекла свежее печенье и кексы с черникой. Тебе стоит взять один, пока клиенты все не проглотили.

– Хорошо, – с улыбкой киваю я.

У меня урчит в животе от запаха выпечки, и я уверена, что это изумительно вкусно, но я просто не могу их съесть.

* * *

Я провожу день, фотографируя товары в магазине. Большинство предметов уже готовы к фотосъемке: свитера аккуратно сложены на комод, оформленном в стиле шебби-шик⁸, свечи стоят на состаренных деревянных полках, плюшевые мишки ручной работы уютно устроились в милых плетеных корзинках. Я раскладываю ожерелья, браслеты и кольца на деревянном полу,

⁸ Стиль, появившийся в 1980-х годах. Основные черты – винтаж, пастельные тона и кружева. Акценты на потертости, трещинах, старине и «обшарпанности».

обрамляю их фиолетовой лентой и регулирую глубину резкости, чтобы слегка размыть предметы на заднем плане.

Просматривая заметки, которые я выписала из пособия о том, как сделать потрясающие снимки товаров для «Инстаграма», я добавляю фотографии в приложение для редактирования, накладываю фильтр, который выбрала для применения ко всем фото, чтобы наш бренд выглядел целостно, и вуаля... Мое сердце делает небольшой скачок. Не думаю, что кто-нибудь сможет определить, что снимки сделала восемнадцатилетняя девчонка без фотографического опыта. Они выглядят очень профессионально. На нескольких снимках у меня даже получился тот классный эффект размытого на заднем плане света, и мне удалось поймать крошечный отблеск искры на одном из ожерелий с драгоценными камнями.

– Как дела? – спрашивает Ребекка, обнаружив меня за маленьким столом на кухне.

– Потрясающе. Сейчас я планирую расписание, чтобы автоматически публиковать две фотографии в день, одну с утра и одну попозже. И собираюсь разместить короткие видеоролики в разделе историй, например, небольшую виртуальную экскурсию по магазину.

– Отличная идея!

– Посмотри на фотографии и скажи, нравятся ли они тебе.

Ребекка забирает телефон у меня из рук, и выражение ее лица говорит само за себя. Ее глаза расширяются, рот приоткрывается, а затем она расплывается в широкой улыбке.

– Скайлар... это даже лучше, чем я могла себе представить. Выглядит так, будто мы заказали профессиональную фотосессию. Даже не могу передать, как я рада!

Стараюсь не улыбаться *слишком* широко.

– Я тоже. Завтра собираюсь захватить некоторые из тех осенних и хэллоуинских украшений, которые лежат на заднем дворе, и сделать несколько фотографий с ними про запас. Думаю, мы должны повесить возле кассы симпатичную табличку с адресом страницы, чтобы люди подписывались и отслеживали новые товары, распродажи и все такое прочее.

Ребекка возвращает мне телефон, и ее серьги покачиваются, когда она слегка качает головой.

– Продолжай в том же духе, и в конечном итоге ты станешь моим гуру маркетинга.

– На самом деле, это действительно весело и интересно. Мне не терпится увидеть, какие фотографии наберут больше всего лайков.

– Я рада. Что может быть лучше, чем получать удовольствие от работы? Если я и могу поделиться какой-то мудростью, то лишь посоветую всегда выбирать работу по душе, – я не могу сдержаться и одариваю Ребекку гордой улыбкой, когда она направляется к кассе. – Я буду за стойкой, если понадобится.

Роюсь в сумочке в поисках медовой пастилки и отправляю ее в рот. В последнее время у меня горит горло. Надеюсь, я не простудилась. Меньше всего сейчас мне нужно заболеть.

* * *

– Тебя что, хорошенько оттрахали в подсобке? – спрашивает Меган, когда я забираюсь на пассажирское сиденье ее «Ауди».

– Нет, с чего ты взяла?

– Потому что ты улыбаешься так, словно тебя удовлетворили.

Закатив глаза, я перекидываю ремень безопасности через грудь и пристегиваю его. Меган ведет машину немного хаотично, а мне не хочется вылететь головой через лобовое стекло.

– Полюбуйся на это, – я протягиваю ей свой телефон, словно только что пойманного единорога. – Разве это не самая удивительная вещь на свете? Я даже смогу сохранить свой старый номер телефона.

Ее карие глаза вспыхивают.

– Господи боже! Лавандовый! Ты украла его?

– А вот и нет. Ребекка дала мне его, чтобы я фотографировала товары и выкладывала фотографии в Интернет. Ох, подруга, как же мне это нравится! Я сегодня здорово повеселилась. Время пролетело незаметно. Теперь это будет частью моей работы. А еще Ребекка повысила мне зарплату.

– И насколько?

– Не знаю, – пожимаю плечами. – Я не спрашивала. Мне все равно.

Меган выезжает со стоянки задним ходом, и моя голова откидывается на подголовник, когда она выруливает на главную дорогу.

– Не понимаю, как у тебя еще не отобрали права, – говорю я, хватаясь за подлокотник.

Она пропускает упрек мимо ушей.

– Скай, тебе не может быть безразличен размер зарплаты. Нужно отслеживать такие вещи.

– Честно говоря, я просто в восторге от возможности заниматься тем, что мне нравится, одновременно обучаясь и получая деньги.

– Однако размер оплаты труда должен волновать тебя больше всего. Возможно, ты выполняешь ту работу, которая заслуживает примерно тридцати баксов в час.

– Вряд ли. Я работаю неполный рабочий день без какого-либо опыта. Ребекка всегда была более чем справедлива к моей зарплате и моим премиям. Я доверяю ей. Не говоря уже о том, что она просто так отдала мне очень дорогой телефон.

Меган искоса смотрит на меня.

– Должна признаться, я завидую тебе белой завистью.

Меня подает вперед, когда она резко тормозит на красный свет.

– О, кстати, – говорит Меган, ничуть не смутившись. – Мне очень жаль, но я не смогу подвезти тебя завтра к автомеханику. Мама прислала мне сообщение, что они куда-то собрались пойти, и я должна посидеть с Джонни. Seriously, они вообще не считаются с моей личной жизнью. *Никто*. Я бы взяла его с собой, но мне не нравится ездить с ним в машине. Он вечно орет как потерпевший.

Я потираю затылок.

– Все в порядке. У меня есть запасной план. Не беспокойся.

– Уверена? Меня мучает совесть.

– Абсолютно. Не расстраивайся. Если хочешь, я заеду к тебе на обратной дороге, – у Меган прелестный младший братишка, так что я не против составить компанию, когда ей приходится нянчиться с ним. Он всегда вызывает у меня улыбку.

– Круто. Заглянем в закусочную? Я бы сейчас не отказалась от салата и клубничного коктейля.

Мысль о том, как лук и листья салата смешиваются в желудке с клубничным молочным коктейлем, вызывает у меня рвотный рефлекс. Я ни за что не смогу сидеть напротив Меган и наблюдать за таким кулинарным извращением.

– Я бы предпочла просто попасть домой. Я не слишком хорошо себя чувствую, а завтра снова на работу. Хочу лечь спать пораньше.

– Ты постоянно чувствуешь себя нехорошо. Может, тебе сходить к врачу?

– Кажется, я простудилась. Или это аллергия.

С этими словами я расстегиваю молнию на сумочке и достаю очередную пастилку. Придется купить еще. Я поглощаю их как конфеты.

– Начни пить витамины, – советует Меган. – Возможно, тебе стоит сделать себе внутреннее вливание витаминов.

– Это как?

– Медсестра ставит тебе капельницу, наполненную всевозможными витаминами. Предполагается, что это укрепит твой иммунитет и придаст тебе здоровья и сил. Моя двоюродная сестра делает так, когда путешествует или недостаточно спит.

Уверена, что не смогу себе такое позволить, хотя звучит это интересно. Я чувствую усталость вне зависимости от того, сколько часов сплю.

– Воспользуюсь твоим советом, если мне не станет лучше, – отвечаю я.

– Ты знаешь того парня, Эрика, чей шкафчик в школе расположен примерно через два от моего?

Я мысленно перебираю варианты имен тех, кто владеет шкафчиками в ее ряду, и никого не могу вспомнить.

– Нет.

– Да знаешь ты его. Такой всегда очень тихий, немного занудный и тощий. У него еще были очки, как у Гарри Поттера.

– Ну, вроде, – киваю я, но все еще понятия не имею, о ком она говорит.

– Так вот, теперь он носит контактные линзы и, похоже, ходит в спортзал, потому что он больше не такой худой. Он так и остался ботаником, но в сексуальном смысле. И волосы у него стали немного длиннее.

– Ясно...

– Думаю, я приглашу его на свидание.

Я чуть не подавилась своей пастилкой.

– Что? *Зачем?*!

– Потому что он симпатичный, и теперь, когда он изменился внешне, он, по сути, другой человек.

– Мэг, просто флиртуй с ним и жди, когда он сам пригласит тебя на свидание. Ты – настоящая красотка, ты же знаешь, что он так и сделает, если ты проявишь к нему немного внимания.

– На дворе двадцать первый век! Мне не обязательно ждать, пока парень сделает первый шаг.

Это верно.

– Да, я думаю, ты права.

– Я хочу прибрать его к рукам раньше, чем это сделает кто-то другой.

– Гос-с-споди. Он же не игровая приставка.

– Знаю. Но если я заметила, какой он милый, другие тоже заметят.

Меган говорит о *других* так, будто сюда вот-вот приплывет корабль женщин-викингов, чтобы разобрать всех симпатичных мальчишек.

Когда она заезжает на мою подъездную дорожку и паркуется, я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нее. Вижу, как мозг Меган работает, придумывая способы поймать в сети ничего не подозревающего Эрика.

– Мне неприятно огорчать тебя, Мэг, но он, вероятно, все еще девственник, если до этого года был ботаником и скромником.

– Ты так думаешь? – кривит она губы.

– Я думаю, есть большая вероятность.

– Хм-м. Это может быть отстойно, – Меган постукивает пальцами по рулю, задумчиво поджав губы. – Но это может быть и весело. Я могла бы перевернуть его мир.

– Он, вероятно, безумно влюбится в тебя, если ты будешь его первой.

Она драматично хмурится.

– Лучше бы ему этого не делать. Я хочу веселья, а не какой-то любовной щенячьей драмы.

– Просто будь с ним помягче. Никаких разбитых сердец.

У Меган вырывается смех.

– Постараюсь, – ее улыбка исчезает, когда она смотрит на мой дом. – Это место выглядит все более сомнительным. Неужели никто не стрижет газон?

В моем животе скручивается узел.

– Мы ищем нового садовника. Прошлый парень уволился.

Это ложь. Я сама стрижу газон, но в последнее время чувствую себя слишком слабой, чтобы заниматься этим в такую жару.

– Надеюсь, что вы скоро найдете кого-нибудь, иначе трава вырастет по колено. Там могут водиться змеи.

– Здесь нет никаких змей, – я хватаю свои вещи. – Спасибо, что подвезла. До завтра.

– Ладно. Люблю тебя, детка.

– Я тоже тебя люблю, – отвечаю я, прежде чем захлопнуть дверь.

Топчусь у почтового ящика в конце подъездной дорожки, дожидаясь, пока Меган уедет. Не хочу, чтобы она видела, как я лезу в окно. Она тут же похитит меня и заставит жить в ее гостевой комнате под капельницей. Как бы я ни была благодарна за заботу, я не хочу, чтобы кто-нибудь меня жалел.

Позже, после того, как я улеглась в постель, чтобы посмотреть телевизор, я смотрю на экран своего красивого нового телефона, размышляя о том, стоит ли принять предложение Джуда подвезти меня. Он уже дважды помогал мне и сделал для меня больше, чем кто-либо, кроме Меган. Он отказывается от денег на бензин, хотя на самом деле я и не могу позволить себе лишние траты. Но я бы все равно оплатила. Я не жду халявы от случайных знакомых.

Утром я еще дойду пешком в магазин, так как будет прохладнее, но ближе к вечеру, когда наступит пора забирать мою машину, ожидается тридцать пять градусов жары плюс влажность, и я просто не уверена, что смогу дойти так далеко.

Наконец отбрасываю в сторону гордость и риск показаться *навязчивой* и отправляю Джуду сообщение.

Я: *«Привет».*

Мусси-Пусси свернулась калачиком у меня под боком, громко мурлыкая. Я чешу ее между ушками, пока смотрю на свой телефон в ожидании ответа.

Джуд: *«И тебе привет».*

Я: *«Мне ужасно неловко просить, но если твое предложение подвезти меня к автомеханику все еще в силе, я была бы очень признательна за помощь. Моей лучшей подруге придется наняться с братом, поэтому она не может меня подвезти».*

Проходит несколько секунд, прежде чем его ответ появляется на экране.

Джуд: *«Конечно. Во сколько?»*

Я: *«Я буду в Belongings. Освобожусь в 3 часа».*

Джуд: *«ОК. Я подъеду».*

Я: *«Мне действительно очень неловко просить. Просто немного жарковато идти так далеко».*

Конечно, я могла бы поехать на такси, но это заставляет меня нервничать. С малых лет нас учат не садиться в машины к незнакомцам, и все же в итоге мы платим незнакомцам за то, чтобы они позволили нам сесть в их машины. Мне просто не по себе от этого.

Джуд: *«Не беспокойся об этом. У меня нет никаких планов на завтра. Мне не сложно».*

Я: *«Хорошо. Спасибо:-)»*

Джуд: *«Тогда увидимся, Искорка».*

Мое сердце немного трепещет при виде придуманного им для меня прозвища, как и каждый раз, когда Джуд называет меня так при встрече.

Глава 6

Скайлар

– Лаки! Ух ты, давно не виделись. Могу я... кхм... как-то помочь тебе с выбором покупки? – доносится из передних комнат мягкий, с оттенком любопытства голос Ребекки.

Черт! Это означает, что я не успела перехватить его на входе. Я выключаю свет и выхожу из подсобки. Джуд стоит посреди уютного магазина и выглядит здесь совершенно неуместно в своей белой футболке, черной бейсболке, надетой задом наперед, в джинсах, таких выцветших, что они стали почти серыми, и в потертых незашнурованных рабочих ботинках. Перекатывая во рту палочку от леденца, он с ухмылкой кивает в мою сторону, когда я подхожу к ним с Ребеккой.

– Я уже нашел то, что нужно. Я приехал за ней.

– Прости, что? – мой босс вопросительно смотрит на него.

– Он подвезет меня, чтобы забрать мою машину у механика, Ребекка, – объясняю я.

– О-о! – ее брови от удивления взмывают вверх.

Я чувствую на себе ее пристальный взгляд, пока беру свою сумочку из-за кассы. Без сомнения, Ребекке любопытно, откуда мы с Джудом знаем друг друга, но мне придется объяснить ей все в другой раз, если я хочу застать механика до того, как он закроется в половину четвертого.

– Это бесплатное угощение? – Джуд поднимает один из маленьких аквамариново-голубых бумажных пакетов, наполненных печеньем, и, прищурившись, смотрит маленькое целлофановое окошко под логотипом. – Надеюсь, там нет изюма.

– Фактически печенье бесплатное, но оно предназначено для покупателей, – отвечает Ребекка. – И оно с шоколадной крошкой.

Джуд мимолетно ухмыляется, и я уже догадываюсь, что это его фирменная сексуальная черта.

– А могу я купить только печенье?

Ребекка качает головой, но улыбается.

– Бери просто так.

– Спасибо. Как поживает Адам?

Она морщится при упоминании своего бывшего мужа.

– Уверена, что у него все хорошо, учитывая, что в последний раз, когда мы виделись, его секретарша стояла на коленях под его столом.

– Упс, – говорит Джуд. – Жаль это слышать. Он всегда был засранцем.

– Это правда. И ты тоже.

– Эй, я *хороший* засранец! Здесь есть разница.

Я прищуриваюсь и смотрю на него.

– Что такое, собственно, «хороший засранец»?

– Он, – отвечает Ребекка, протирая стеклянный шкаф. Мы всегда шутим, что стекло притягивает к себе отпечатки пальцев. – Вот он собственной персоной стоит прямо перед тобой.

Я дергаю Джуда за руку.

– Нам пора идти, хороший засранец. Механик предупредил, что уходит с работы в половину четвертого, – я улыбаюсь Ребекке. – Увидимся завтра.

– Хорошего вечера. Приятного аппетита, Лаки.

Он машет рукой.

– Если печенье мне понравится, я вернусь и куплю что-нибудь, чтобы получить добавку.

Мы уходим под звуки смеха Ребекки – звук, который я не часто слышу. Интересно, была ли она влюблена в Джуда в юности? Мне показалось, что я уловила в ее словах намек на флирт. Но теперь, размышляя об этом, я понимаю, что никогда раньше не видела, как Ребекка общается с мужчинами в магазине. Из них действительно получилась бы симпатичная пара.

– Может, тебе стоит пригласить ее на ужин? – говорю я, пока мы шагаем к грузовику Джуда.

Он изображает на лице шок и презрение.

– Кого?! Ребекку?! С чего бы?!

– Потому что она одинока с тех пор, как развелась.

Джуд открывает для меня пассажирскую дверь, и я запрыгиваю внутрь.

– У меня есть правило не встречаться с разведенными женщинами, – отвечает он, усаживаясь за руль. – Особенно с симпатичными.

Повернувшись к нему, я надеваю темные очки.

– Что плохого в разведенных женщинах?

– По моему опыту, они обычно пытаются снова выйти замуж. Что странно, потому что всем видом они показывают, что не хотели бы больше никогда идти по этому пути. Я не нуждаюсь в жене и детях.

– И почему же?

Джуд пожимает плечами.

– Уровень разводов в нашей стране просто сумасшедший. А дети выходят из-под контроля, особенно подростки, – он смотрит на меня со знакомой ухмылкой. – Не считая здесь присутствующих, конечно же. В юные годы я заставил своих родителей пройти через ад. Как и моя сестра, – Джуд делает глубокий вдох и смотрит на красный свет светофора, возле которого мы остановились. – Я просто не хочу вкладывать свои сердце и душу в кого-то, кто может разозлить их в клочья, как хищник, отобрать половину моего имущества, испортить жизнь моим детям и впустить Бог знает кого в их жизнь по выходным и праздникам. К черту все это.

Киваю своей новой родственной душе.

– Я придерживаюсь того же мнения. Например, я не против встречаться с кем-нибудь, но предпочла бы оставить это как добровольное соглашение сторон. Как, например, когда ты работаешь на кого-то. Ты можешь уволиться в любое время, тебя могут уволить в любое время. Никаких обещаний, никаких юридических проволочек, никакого уведомления за две недели, никаких ожиданий. Ты волен идти, когда захочешь. Никаких обид.

– Да. *Именно так*, Искорка. Я и сам не смог бы сказать лучше. Твои родители развелись?

– Ага.

– Мои тоже. Это ад, через который я больше никогда не хочу проходить.

Развод моих родителей прошел тихо и без происшествий. Папа просто ушел. Насколько я помню, не было никаких драк с криками или рыданий. Они не ссорились из-за опеки над мной или мебели. Я сомневаюсь, что у кого-то из них был роман, хотя они оба довольно симпатичные люди. Я не уверена, платит ли мой отец алименты или другие выплаты на меня. Насколько я знаю, они просто подписали бумаги – и все. Браку конец. Единственное доказательство того, что они когда-либо были вместе, – это мое существование, которое все же не имело достаточной важности, чтобы заставить их стремиться к лучшему. Чтобы удержать их вместе. Чтобы они думали – или хотя бы беспокоились – обо *мне*.

Джуд заходит вместе со мной в грязный офис автомастерской. Я предполагала, что он просто высадит меня на парковке и уедет, но нет, он проводил меня внутрь, подождал, пока я выложу пятьсот десять долларов наличными на пыльный прилавок, а затем отвел меня к моей машине на заднюю стоянку. Пока мы идем, он ест одно за другим три печенья с шоколадной крошкой из пакета.

– Восхитительно! – он с аппетитом поедает печенье. – Как ты можешь не есть это целый день?

– Честно говоря, я никогда его не пробовала, – признаюсь я, вставляя ключ в замок двери со стороны водителя. Тонкий слой пыли, который был на моей машине, когда ее отбуксировали, исчез, и я гадаю, не отгонял ли ее механик на автомойку.

Серые глаза Джуда моргают, глядя на меня.

– Ты шутишь?! Как, черт возьми, ты смогла устоять?! Они такие мягкие, маслянистые и липкие.

Из-за яиц. Вот как.

– Я просто не большой любитель сладкого.

– Заводи, – говорит он, прислоняясь к капоту. – Давай убедимся, что все работает, прежде чем я уеду.

Двигатель заводится со знакомым, но в то же время успокаивающим глубоким урчанием.

– Ура! – восклицаю я, хлопая в ладоши. – Я скучала по моему малышу.

Джуд выходит из-за открытой двери и опускается на колени рядом со мной, заглядывая внутрь, на потрескавшиеся красные виниловые сиденья.

– Мне всегда нравились «Корветы», особенно такие старые, как этот. Мне безумно хотелось иметь такой, когда я был в твоём возрасте.

– Тогда тебе следует обзавестись таким.

Джуд проводит рукой по разорванному подлокотнику, и я уверена, что он видит машину так же, как и я, – не в том состоянии, в котором она сейчас, а так, как она будет выглядеть, если ее с любовью отремонтировать.

– Может быть, когда-нибудь...

Я смотрю на его татуированную руку, ласкающую дверцу моей машины. На двух пальцах серебряные кольца: одно с камнем из оникса, другое – просто с закрученным в узел металлом. Кольца потемневшие и потускневшие, а не отполированные и идеальные.

Как сам он.

Как сама я.

Облизнув губы, я делаю короткий, нервный вдох.

– Слушай, не хочешь прокатиться? Я имею в виду, *ты* сядешь за руль. Моей машины. Поедем со мной.

– Серьезно?

– Ага. Я никуда не спешу.

Разве что я обещала заехать к Меган, но могу сделать это и позже.

Мое дыхание замирает, когда Джуд на несколько секунд прикусывает внутреннюю сторону щеки, а затем на его лице расцветает широкая улыбка.

– К черту все, – наконец говорит он, выпрямляясь. – Почему нет? Это предложение, от которого я не могу отказаться.

С улыбкой я перелезаю через консоль на пассажирское сиденье и приглашаю его за руль.

Джуд радуется как ребенок. Возбужденно улыбаясь, он отодвигает сиденье назад и поправляет зеркало заднего вида.

– Послушай это мурчание, – задумчиво говорит он, прежде чем завести машину и выехать на главную дорогу.

Слово «мурчание», слетевшее с его губ, звучит чувственно, почти таинственно, как будто я не должна была его слышать.

– Это не оригинальное радио для этой модели, Искорка, – поддразнивает Джуд, прикасаясь к регулятору громкости. – Я немного разочарован.

– Поверь мне, я тоже, – смеюсь я. – Но я просто не могла водить машину без своей любимой музыки. Ринг-Поп установил мне это радио. Он заключил со мной сделку, так как работает в магазине автомобильных стереосистем. Не волнуйся, я сохранила оригинал.

– Ринг-Поп?

– Раньше он жил по соседству со мной. Мы всегда были друзьями. Когда нам было лет по семь, он сделал мне предложение, подарив леденец «ринг-поп» в виде кольца.

Джуд смеется.

– Очень мило.

– Дальше все пошло хуже. Я стала облизывать леденец, и кусочек оторвался и застрял у меня в горле. Я давилась им до тех пор, пока не перестала дышать. Я действительно думала, что умру. Мой друг пнул меня в живот, и кусок леденца выскочил из горла.

– Черт возьми! Так вот откуда у тебя отвращение к сладкому?

На самом деле, причина не в этом. Но я все равно киваю в знак согласия.

– С тех пор я называю его Ринг-Попом. В прошлом году он переехал в другой город, но мы все еще видимся время от времени.

– У меня тоже есть хорошая история об удушье, – говорит Джуд, выезжая на шоссе.

– Ну-ка, выкладывай.

– Во время учебы в старшей школе я поцеловался с одной цыпочкой, с которой встречался, а у меня во рту была жвачка, и моя девушка подумала, что ведет себя сексуально, и высосала ее у меня изо рта. Жвачка попала прямо ей в горло, и она начала давиться. Абсолютный облом.

– Фу! Это отвратительно, – отвечаю я. Можно было бы прекрасно обойтись и без этой истории. – Похоже, ты ей очень нравился, раз она захотела пожевать твою жвачку.

Я не могу представить, чтобы парень понравился мне настолько, чтобы я захотела перетащить что-то из его рта в мой собственный.

– Эх, она имела свойство быстро переключаться.

Джуд изменяет передачу на более высокую и выезжает на скоростную полосу, вдавливая педаль газа.

– Твой малыш быстрый, – говорит он.

– Мне удавалось выжать из него 105 миль.

Джуд бросает на меня удивленный взгляд.

– Посмотри на себя, маленький демон скорости! Будь осторожна. Ты же не хочешь врезаться своим красивым личиком в дерево?

– Я ехала так быстро только один раз, – ну, может, два.

Ок, примерно пять.

– Что ж, и как же такой девушке, как ты, досталась такая машина? – его тон игривый, но мой ответ – нет. Я все еще переживаю, когда говорю о своем дедушке, и сегодня не исключение. Особенно когда я сижу в машине, которую он мне подарил, и рассказываю историю о том, как он хотел, чтобы у меня было что-то красивое, классное и созданное с любовью. Что-то символизирующее надежду, новые блестящие начинания.

– Похоже, твой дедушка был хорошим парнем, – говорит Джуд, выслушав историю о том, как дедушка собирался подарить мне машину на окончание школы.

– Это точно, – я вытираю слезу с глаза, чтобы она не скатилась по щеке. – Я очень скучаю по нему. И по бабушке.

– Она тоже умерла?

– Угу, – киваю я. – За два года до него. У нее был диабет.

– Прости, – тихо произносит Джуд. – Я не хотел тебя расстраивать.

– Ты и не расстроил. Я всегда грущу, когда думаю о них.

– В этом нет ничего плохого.

Я теряю представление о времени и направлении, пока Джуд ведет машину. Почти все исчезло – кроме ветра, врывающегося в открытые окна, и моего любимого плейлиста, который составляет нам компанию. И голоса Джуда, который подпевает песням и даже не подозревает, как они близки моему сердцу.

– У тебя отличный голос, – я не пытаюсь скрыть свое удивление.

– Я хорошо пою только в душе и в машине, – Джуд сворачивает на ухабистую боковую дорогу. – Стоит мне выйти на сцену, и я облажаюсь.

– Сомневаюсь.

Джуд притормаживает и заезжает на усыпанную гравием парковку рядом с небольшой детской площадкой.

– Я просто хочу быстро покурить, – с этими словами он берется за дверную ручку. Я смеюсь, пока маленький Джуд пытается выбраться из низкой машины. – Вот дерьмо, из этой штуки непросто вылезти!

– Я привыкла. К счастью, я не ношу юбок, – оглядываю пустой парк. – Пойду немного прогуляюсь.

Я направляюсь прямо к качелям. У нас на заднем дворе раньше тоже были качели, они висели на дереве. В детстве я каждый день часами раскачивалась на них, веря, что могу взлететь прямо в небо и жить в облаках. Однажды веревка оборвалась с одной стороны, и я рухнула на землю. Минимум полчаса я лежала, распластавшись на земле, и плакала, думая, что умираю. Осознав, что родители не придут на помощь, я встала и тихо заковыляла в дом, испытывая боль в ягодицах и ногах при каждом шаге.

Я почти уверена, что сломала тогда копчик.

Качели все еще на месте, они висят на оборванной, потертой веревке как символ того дня, когда я поняла, что могу рассчитывать только на себя.

Джуд неторопливо пересек парк, чтобы присесть на край металлической горки. Он наблюдает за мной с забавной и невероятно горячей улыбкой.

– Давай покачаемся вместе!

Он мотает головой и выпускает в воздух облако дыма.

– Давай, Лаки! Никто тебя не увидит!

– Мне все равно, кто меня увидит.

– Тогда иди сюда. Не будь какашкой.

Рассмеявшись, он тушит сигарету и выбрасывает ее в мусорное ведро по пути к качелям.

– Знаешь, а ты заноза в заднице, – говорит он, втискивая свое мускулистое тело на сиденье качелей, расположенных рядом со мной.

Я сильнее раскачиваюсь ногами, мои волосы развеваются за спиной, как флаг.

– Знаю. И мне все равно.

Когда я оглядываюсь, Джуд скользит по воздуху рядом со мной, улыбаясь так же широко, как и тогда, когда садился за руль моего «Корвета».

Приятно видеть, что у плохого парня есть внутренний ребенок.

– Тот, кто сможет приземлиться дальше всех, поедет за рулем обратно, – озорно говорит он.

– Договорились!

Джуд прыгает первым и приземляется на песок в пятнадцати футах от качелей, завершив движение красочным кувырком.

– Я слишком стар для этого дерьма, Искорка, – стонет он, опускаясь на колени в песок. – Ты и твоя машина убивают мою спину.

– Приготовься проиграть!

Я с глухим стуком ударяюсь о песок на три фута дальше него и падаю, отнюдь не изящно, на задницу.

– Я победила!

– Да, но вообще-то это было несправедливо. Ты намного легче.

– Верно. Я позволю тебе отвезти меня обратно. Потому что я хорошая, и ты мне нравишься.

Джуд встает, отряхивает песок с джинсов и протягивает мне руку. Когда я хватаюсь за его ладонь, он без усилий вздергивает меня вверх, и я натываюсь на его грудь.

– Ты мне тоже нравишься.

Его голос, внезапная близость... У меня немного перехватывает дыхание. Я никогда раньше не была так близко к мужчине. К *мальчику* – да. Но не к мускулистому, татуированному, пахнущему сандаловым лосьоном после бритья взрослому мужчине с кулаками размером с мою голову.

Мне следовало отпустить его руку, как только я встала на ноги, но я этого не делаю. Я задерживаю руку на несколько секунд, наслаждаясь теплом и ощущением прикосновения к его мозолистой ладони.

Через мгновение Джуд нежно сжимает мою руку, а затем отпускает ее. Это пожатие – крошечный ласковый жест. Но мы, девочки, знаем, что это такое. Это уникальное выражение любви.

Глава 7

Джуд

Отчетливое урчание двигателя ее машины и включенный на полную громкость хит Элтона Джона *Tiny Dancer* возвещают о прибытии Скайлар еще до того, как я вижу, как она въезжает на школьную стоянку.

Выходя из машины, девушка мимоходом бросает взгляд на дом, над которым я работаю, но не замечает меня на крыше. Я гадаю, уж не пришлось ли ей этим утром повозиться, заводя автомобиль, потому что занятия в школе начались больше часа назад.

Погода за ночь изменилась, и прохладный ветерок прогнал влагу из воздуха. Наверное, поэтому сегодня на голове Скайлар красуются очки и обалденная кепка-авиатор из состаренной коричневой кожи. Две длинные косы спускаются вниз из-под необычного головного убора, который удивительным образом очень круто смотрится на девушке.

– Эй, Лаки! – зовет снизу Кайл. – Иди посмотри на настил пола.

– Иду!

Спускаюсь по лестнице, но что-то странное привлекает мое внимание.

До меня не сразу доходит, что куча одежды, которая валяется на тротуаре, на самом деле – Скайлар.

– Что за...

Отбросив молоток на землю, я бегу через лужайку и опускаюсь на колени рядом с девушкой, лежащей на тротуаре.

– Скайлар?!

Она не шевелится, и у меня кровь стынет в жилах. Скайлар полностью *отключилась*.

Дышит, но без сознания.

– Эй... – я касаюсь ее щеки, и мое сердце ускоряет ритм. Ее симпатичная кепочка свалилась с головы, и при виде того, как она лежит на дорожке рядом с девушкой, у меня к горлу подкатывает ком. Я тормошу Скайлар за плечо. – Очнись, Искорка!

Она поворачивает голову. Ее обутые в сапоги ноги подергиваются. Глаза медленно открываются. Несколько секунд Скайлар ошеломленно смотрит сквозь меня, пока ей, наконец, не удастся сосредоточиться.

– Ч-что случилось? – невнятно бормочет она, моргая.

– Похоже, ты потеряла сознание.

Помогаю ей сесть, но она тут же, покачнувшись, хватается за руку.

– Я чувствую себя не очень хорошо.

Она и *выглядит* не очень хорошо. Бледная как полотно. Под глазами – темные круги. Вчера в парке Скайлар казалась такой энергичной, но сегодня ее просто не узнать.

– Ты что-нибудь принимала? – спрашиваю я.

– Что, например?

– Ну, не знаю. Таблетки?

Нахмурившись, Скайлар потирает висок.

– Я не употребляю наркотики, Джуд.

– Ты ударилась головой?

– Возможно. Голова сильно кружится.

Ее глаза закрываются, а пальцы крепче сжимают мою руку, как будто она снова собирается потерять сознание.

– Я отвезу тебя в отделение неотложной помощи.

– Нет... – качает она головой. – Я не могу поехать в больницу.

– Еще как можешь. И поедешь.

К нам подходит Кайл с молотком в руке и переводит взгляд с меня на Скайлар, все еще сидящую на тротуаре.

– А я везде ищу тебя. Что, черт возьми, происходит?

– Похоже, она потеряла сознание.

– Что с ней?

– Сам не знаю. Я отвезу ее в отделение неотложной помощи. Ты можешь приглядеть за всем, пока меня не будет?

– Конечно. Может, лучше вызвать «скорую»?

– Нет, – бормочет Скайлар.

– К черту «скорую», – отвечаю я. – Она будет ехать сюда целую вечность. Будет быстрее, если я отвезу девушку сам.

– Ладно, – кивает Кайл. – Хотя, возможно, тебе стоит позвонить ее родителям.

– Хорошая идея, – я наклоняюсь так, чтобы встретиться взглядом со Скайлар. – Давай позвоним твоей маме, и я отвезу тебя в отделение неотложной помощи. Встретимся с ней там, на месте.

Закрыв глаза, она качает головой.

– Мне восемнадцать. Я не нуждаюсь в маме и не хочу, чтобы она приезжала.

– Но...

– Пожалуйста, – шепчет Скайлар. – Она все равно не приедет. Поверь мне.

Мы с Кайлом обмениваемся взглядами, без слов понимая, что не должны вмешиваться в их семейные дела. Но я не могу просто оставить девушку здесь или позволить ей самой сесть за руль. Скайлар даже встать не может, не говоря уже о том, чтобы вести машину.

– Ладно. Как думаешь, сможешь дойти до моего грузовика?

– Думаю, да.

Я помогаю ей встать, но ее колени подгибаются, будто ватные.

– Я понесу тебя, – подхватываю Скайлар на руки, прежде чем она успевает запротестовать.

– Чувак, помоги собрать ее вещи, – говорю я Кайлу.

Он поднимает кепку, очки и сумку с книгами и протягивает их девушке.

– Спасибо, – благодарит она, прислонив голову к моему плечу.

– Я скоро вернусь. Просто продолжайте работать дальше, – сообщаю я, игнорируя скептический взгляд Кайла.

– Будет сделано. Отправь мне сообщение и дай знать, как обстоят дела.

Несу Скайлар к своему грузовику, на ходу задаваясь вопросом, какого черта я творю, и осторожно сажаю ее на пассажирское сиденье. Неловко повозившись, пристегиваю девушку ремнем безопасности.

– Не обязательно обращаться со мной как с ребенком, – произносит она, когда я завожу грузовик.

– Я и не обращаюсь.

– Может, мне лучше поехать домой... – продолжает она, прижимая пальцы к вискам. – Возможно, я просто устала. И у меня сильно болело горло. Это может быть грипп... или мононуклеоз.

Черт.

– Хотя я уже очень давно ни с кем не целовалась, – Скайлар откидывает голову на спинку сиденья и закрывает глаза. – На случай, если тебе интересно: да, я – социальный изгой.

– Мне не интересно. И ты не изгой. Но я думаю, что будет лучше, если врачи тебя осмотрят. Ты потеряла сознание на чертовом тротуаре. Возможно, даже ударила голову. У тебя может оказаться сотрясение мозга, – внезапно я ловлю себя на мысли, что начинаю превра-

щаться в собственную мать. – Может, нам позвонить в школу и предупредить, что тебя не будет на занятиях?

Скайлар пренебрежительно машет рукой.

– Никто даже не заметит моего отсутствия. Никогда не замечают.

Пробки в понедельник утром – отстой, заставляющий нас дважды простаивать на красном сигнале светофора. Во время поездки Скайлар становится все более настороженной, но она все еще кажется мне утрашающе бледной, особенно в лучах солнечного света.

– Ты голодная? – спрашиваю я. – Ты ела сегодня утром?

– Я никогда не завтракаю.

Ловлю себя на том, что окончательно превратился в свою мать, и говорю ей, что завтрак – самый важный прием пищи в течение дня.

Я же должен быть классным. *Крутым*. Ее слова, не мои.

Когда я подъезжаю к больнице, Скайлар говорит мне, что чувствует себя немного лучше, может сама выбраться из грузовика и идти без посторонней помощи. Это не мешает мне проводить ее внутрь и подождать, пока она зарегистрируется.

– Спасибо, что довез меня сюда, – говорит она, когда мы занимаем места в зоне ожидания подальше от остальных четырех человек. – Ты можешь идти. Теперь со мной все будет в порядке. Не хочу отнимать у тебя целый день.

– Как ты потом доберешься домой?

Скайлар кривит губы.

– Напишу Меган. Она наверняка подкинет меня обратно к моей машине.

Покачиваясь на каблучках, засунув руки в передние карманы, я оглядываю комнату. Затем перевожу взгляд на Скайлар, которая с широко раскрытыми от беспокойства голубыми глазами сидит на выцветшем желтом пластиковом стуле и потирает рукой середину груди. Больничный идентификационный браслет, обвивающий ее запястье, кажется огромным. Я никогда не замечал, какие у нее тонкие запястья.

– Скайлар Тиммонс? – зовет медсестра из-за двойных дверей.

Долго ждать не пришлось.

Скайлар со слабой улыбкой встает со стула.

– Спасибо, Джуд.

Как я могу оставить ее, когда она выглядит такой больной, напуганной и одинокой?

– Я подожду тебя здесь, хорошо? Вряд ли это займет много времени.

Врачи, вероятно, просто пропишут Скайлар какие-нибудь антибиотики и отправят домой с рекомендацией отдохнуть несколько дней.

* * *

Очевидно, я недооценил то, что происходит за дверями отделения неотложной помощи.

Три часа спустя я все еще сижу в приемной, колеблясь между раздражением до чертиков и беспокойством до чертиков.

И почему? Я даже не знаю эту девушку. Она мне не друг и не член семьи. Вселенная просто продолжает попытки превратить меня в ее личного водителя.

Я отправляю Кайлу сообщение, в котором сообщаю ему, что все еще жду Скайлар в приемном покое. Он советует мне уйти. Я покупаю в торговом автомате газировку и картофельные чипсы. Смотрю в окно. Подслушиваю разговор молодой пары, сидящей через несколько мест от меня. Девушка думает, что беременна, и они не хотят никому говорить. Ее семья ненавидит его. На прошлой неделе она напилась, а теперь беспокоится, что причинила вред ребенку. Парень интересуется (громко), не пьяна ли она сейчас. Сидящая напротив меня женщина кашляет без остановки, носки на ее ногах непарные.

Да-а-а уж. Я хочу выбраться отсюда, но погружен в ожидание. Разве Скайлар бы уже не вышла, если бы с ней все было в порядке?

– Джуд Лаккетти?

Я вынырываю из своего оцепенения.

– Это я.

– Можете зайти и провести свою племянницу. Она спрашивает о вас.

Мою племянницу?!

Я следую за медсестрой через металлические двери и иду по коридору в маленькую отдельную смотровую. Скайлар сидит на кровати в тонком сером больничном одеянии, которое свисает с ее плеча, создавая впечатление, будто пошито для великана. Я стараюсь не смотреть на тонкую черную кружевную бретельку бюстгалтера. Игла капельницы приклеена медицинским пластырем к верхней части руки девушки.

Это кажется слишком интимным – находиться со Скайлар в больничной палате. Она уязвима, бледна и едва одета. Здесь должен стоять кто-то другой. Родитель, друг или парень.

А не какой-то чувак, которого она едва знает.

– Доктор скоро вернется, – перед уходом сообщает нам медсестра.

– Ты все еще здесь, – произносит Скайлар.

– Я беспокоился о тебе. Прошло больше трех часов.

– Мне так жаль. Тебе есть смысл вернуться на работу.

– Я прождал тебя несколько часов. Я не собираюсь уходить сейчас. Врачи выяснили, что с тобой не так? И даже не начинай называть меня дядей Лаки, *племянница*.

Скайлар смеется.

– Я боялась, что они не пустят тебя, если ты не член семьи.

Прищурившись, я смотрю на нее и сажусь на невероятно неудобный стул в углу тесной комнаты.

– Ты уверена, что тебе восемнадцать?

– Да, Джуд. Я вполне уверена, что знаю, сколько мне лет. Я выпускница, и четыре месяца назад мне исполнилось восемнадцать. Как-то мне пришлось остаться на второй год из-за частых прогулов.

– Ладно. Просто хотел убедиться. Так что с тобой? – я осматриваю комнату. Ее одежда сложена на стуле по другую сторону кровати. – Тебя выписывают?

Скайлар опускает взгляд и опирается подбородком на руку.

– Может, завтра. Меня не хотят отпускать.

– Почему?

– Врачи хотят сделать еще несколько анализов. Эндоскопию, наверное, и еще кое-что.

Доктор говорит очень быстро, я не все поняла.

– Что, по их мнению, с тобой не так?

– Какая-то фигня...

– Какая-то фигня? – переспрашиваю я. – То есть... *фигня* – это твой диагноз?

Скайлар наклоняет голову и искоса смотрит на меня.

– Нет, но ты действительно хочешь все это услышать?

– Я бы не спрашивал, если бы не хотел, – я убираю волосы с лица. – Впрочем, ты не обязана мне говорить. Все в порядке.

Скайлар делает глубокий вдох и натягивает на себя тонкое белое одеяло. Ее пальцы теребят край.

– У меня расстройство пищевого поведения. И некоторые другие проблемы. С моим желудком, пищеводом и общим состоянием здоровья, – она поднимает взгляд от одеяла, чтобы встретиться со мной взглядом. – В том числе психического.

– О-о, – тихо говорю я, пытаюсь осознать услышанное. Теперь понятно, почему она хотела съесть только булочку от гамбургера.

– Я уже давно об этом знаю, – добавляет Скайлар. – Мне поставили диагноз несколько лет назад. Наверное, я просто отрицала это. Я боялась возвращаться к врачу, да и не могла себе этого позволить. Хотя в последнее время становится все хуже.

– Тогда хорошо, что ты попала в больницу сейчас.

– Ага, – ее голос звучит неубедительно.

Я очень хочу сказать что-нибудь, чтобы утешить и поддержать Скайлар, но не могу придумать ничего, что не звучало бы слащаво или нравоучительно.

– Хочешь, я позвоню кому-нибудь из твоих близких? Или принесу тебе что-нибудь?

Она качает головой.

– Нет, я в порядке. А вот тебе, наверное, пора идти. Я знаю, что тебе нужно работать, а меня скоро переведут в другую палату.

Кивнув, я встаю и подхожу к ее кровати.

– Если хочешь, мы с Кайлом перегоним твою машину к твоему дому, чтобы она не стояла всю ночь на школьной стоянке. Ты наверняка не хочешь, чтобы ее отбуксировали.

– Ты действительно сделаешь это для меня?

– Конечно. Мы сделаем это сегодня вечером.

– Спасибо. Ты очень хороший парень, Джуд.

Я дотрагиваюсь до руки Скайлар и ободряюще сжимаю ее.

– Поправляйся, ладно, Искорка? Пришли мне сообщение и дай знать, как у тебя дела. Полагаю, тебя потребуется подвезти домой? – поддразниваю я.

Она издает тихий смешок.

– Похоже, ты меня хорошо *знаешь*.

Выйдя на улицу, я понимаю, что потратил половину рабочего дня, сидя в больнице с малознакомой девушкой, а сроки строительства горят. Где, черт возьми, ее родители? Она милая и все такое, но не могу же я стать для нее каким-то рыцарем-перевозчиком в сияющих доспехах, приходящим на помощь каждый раз, когда ее нужно подвезти. Я перегоню ее машину к дому, и на этом все. Мне придется самоустраниться.

Но, усевшись в свой грузовик и увидев на пассажирском сиденье ее кепку-авиатор и очки, я тут же понимаю, что Скайлар – не та девушка, которую я смогу просто выбросить из головы.

Глава 8

Скайлар

Наше тело посылает нам множество предупреждений. Конечно, только нам решать, как реагировать на эти предупреждения. Мое тело – и мой разум – годами сигнализировали о беде. Как и большинство людей, я игнорировала сигналы. Отмахивалась от них. Придумывала оправдания. Моя мама делала то же самое, когда игнорировала мои попытки с раннего детства привлечь к себе внимание. Наконец, мое тело сказала: «Пошла ты, Скайлар...» – и швырнуло меня на тротуар прямо перед Джудом.

Диагноз, который мне поставили давным-давно, в основном не изменился, просто все стало хуже.

Изжога.

Язва желудка.

ГЭРБ⁹.

Обезвоживание.

Дефицит витаминов.

Тревога.

Депрессия.

Истощение.

И последним по порядку, но, конечно, не по значимости, идет мой излюбленный приговор – расстройство избирательного питания¹⁰.

Но я переварю (без каламбура) все это позже. Прямо сейчас я беспокоюсь о Мусси-Пусси. Она заперта одна в моей спальне с такими ничтожными остатками корма и воды, что их и кошке не хватит. Пусси не только будет недовольна, но и к завтрашнему утру ей всерьез грозят голод и жажда.

Если с ней что-то случится, я этого не переживу. Она – моя отдушина.

Я еще не написала маме о своем местонахождении, но знаю, что она не сможет войти в мою комнату, чтобы покормить кошку. Ей ни за что не залезть в мое окно, и я уверена, что между гостиной и дверью моей спальни лежит слишком много вещей, чтобы мама могла добраться. Да она и кошек даже не любит.

Чему, полагаю, я должна радоваться, иначе как бы мы жили? Мама бы, наверное, заполнила наш дом тысячами кошек.

Выходит, мне остается лишь просить Меган или, возможно, Джуда забраться в мой дом через окно, чтобы позаботиться о Пусси.

Несмотря на то, что Мэг – моя лучшая подруга, она никогда не видела, как я живу. Она будет в ужасе. Уверена, она никому в школе не расскажет, но что, если это изменит ее отношение ко мне? Я писаю в ведро с кошачьим наполнителем. Я принимаю душ в школе. Это довольно трудно принять.

Джуд тоже будет в ужасе, но он не похож на осуждающего человека. И у нас нет никаких отношений. Что самое худшее может случиться? Он посчитает меня бомжом и перестанет подвозить? Я это как-нибудь переживу.

Ведь переживу?

⁹ Гастроэзофагеальная рефлюксная болезнь (ГЭРБ) – это хроническое заболевание, при котором содержимое желудка поднимается в пищевод, вызывая симптомы и/или осложнения. Такое нарушение сопровождается изжогой, отрыжкой и дискомфортом за грудиной.

¹⁰ Расстройство избирательного питания – это расстройство пищевого поведения, характеризующееся употреблением малого количества пищи или избеганием употребления определенных продуктов.

Но... Джуд – взрослый мужчина. Если его поймут на том, что он влезал в окно спальни восемнадцатилетней девушки, у него могут быть неприятности. Я так и вижу, как он объясняет полиции, что всего лишь собирался накормить мою кошку. Никто бы в это не поверил.

Меган – такая же девочка-подросток, как и я, – и это более безопасный выбор. Если ее поймут, то, скорее всего, посчитают ее поступок типичным поведением малолетки.

Отправляю ей сообщение.

Я: *«Привет!»*

Меган: *«Боже, где ты пропадала? Я искала тебя и писала тебе сообщения весь день».*

Я: *«Я в больнице».*

Меган: *«О мой гребанный бог, что?!»*

Я: *«Сегодня утром я потеряла сознание прямо на парковке».*

Меган: *«Да ладно!»*

Я: *«Да! Джуд увидел меня и привез сюда. Было о-о-очень неловко».*

Меган: *«Джуд с мускулами и татуировками?»*

Я: *«Да».*

Меган: *«Ах ты, везучая сучка! ЛОЛ. Ты заболела?»*

Я: *«У меня сильная изжога и обезвоживание».*

Меган: *«Вот отстой!»*

Я: *«Похоже, меня оставят здесь до завтра. Может, до среды. Я тут подумала, не могла бы ты оказать мне очень большую услугу?»*

Меган: *«Конечно».*

Я: *«Мне нужно, чтобы ты покормила мою кошку и принесла зарядное устройство для моего телефона».*

Меган: *«Никаких проблем!»*

Я: *«Но я должна тебя кое о чем предупредить».*

Меган: *«Хорошо».*

Я: *«Тебе придется залезть ко мне в спальню через окно. Если стоять перед моим домом и смотреть на входную дверь, то оно находится с правой стороны. Под окном есть деревянный ящик, на который можно встать».*

Меган: *«Э-э-э... Почему?»*

Я: *«Пожалуйста, не заставляй меня отвечать на этот вопрос сейчас. Я обещаю, что все объясню. Но только не сейчас».*

Меган: *«Ты пугаешь меня, но ладно. Твоя кошка кусается?»*

Я: *«Нет! Она сама добротка. Когда залезешь в мою комнату, увидишь кувшины с едой и водой. Они стоят на виду. Зарядка для телефона лежит рядом с кроватью. Обратное уходит тоже придется через окно. Пожалуйста, не открывай дверь моей спальни».*

Меган: *«А как насчет твоей мамы? Мне не придется объяснять ей, что я делаю?»*

Я: *«Нет. Она, вероятно, даже не услышит тебя и не увидит».*

Меган: *«Это все очень подозрительно, но, так уж и быть, помогу».*

Я: *«Убедись, что закрыла за собой окно, когда влезешь, а потом – когда вылезешь. Чтобы кошка не убежала».*

Меган: *«Будет сделано. Мне нужно пойти сегодня вечером?»*

Я: *«Если можешь. Я заранее очень благодарна».*

Меган: *«Я принесу тебе зарядное устройство сегодня вечером, прежде чем закончатся часы посещения».*

Я: *«Ты лучшая всех! Люблю тебя. Обещаю, что все объясню».*

Меган: *«Не беспокойся об этом. Мне пора идти. Поправляйся! Чмоки».*

Возможно, все обойдется. Меган может даже не заметить ведра. Из мебели у меня только комод и тумбочка, а матрас лежит на полу, но моя комната выглядит в основном нормально. Там нет беспорядка или грязи – просто мало вещей. Итак, возможно, мне всего лишь придется объяснить Меган, почему я использую окно вместо двери.

Это мне вполне по силам.

Я пишу матери сообщение о том, что меня оставили в больнице на ночь, но беспокоиться не стоит.

Не то чтобы она и стала бы беспокоиться.

Входит медсестра, и мы обсуждаем, что я буду есть на ужин. Она не хочет приносить мне хлеб и воду и пытается уговорить меня на куриный суп и желе. Меня тошнит от одной мысли об этом. Мы останавливаемся на чае без молока и тостах с маслом на гарнир.

Медсестра также протягивает мне крошечный стаканчик с таблеткой.

– Что это? – спрашиваю я.

– Антацид. Это от изжоги.

Мне не нравится принимать таблетки, если их доставали из упаковки не при мне.

Медсестра смотрит на меня с раздражением, пока я фотографирую таблетку на телефон, прежде чем проглотить. Позже я погуглю маркировку на таблетке, чтобы убедиться в названии лекарства.

Полчаса спустя я пью чай, грызу тост и смотрю викторину по телевизору. От мамы мне ничего так и не пришло, хотя мое сообщение отображается как прочитанное ею.

Думая о ней, я перехожу к мыслям о том, во сколько мне обойдется госпитализация. У меня нет страховки. Нет денег. Моя мать не из тех, кто помогает мне оплачивать счета.

Когда я чуть ранее отправила сообщение Ребекке, она была обеспокоена, но попросила меня не волноваться и возвращаться к работе, когда меня выпишут. Но не ходить на работу – значит не получать зарплату.

Конечно, это должно было произойти как раз в тот момент, когда мне дали новые крутые должностные обязанности и прибавку к жалованью.

Моя цель накопить на автофургон горит синим пламенем.

Около шести вечера Меган wpłyвает в мою комнату с большой розовой сумкой-шоппером в одной руке и сумкой-тоутом от «Луи Виттон» – в другой. Она сразу же обнимает меня, затем садится на край кровати и сгружает на меня свои сумки.

– Во-первых, твоя кошка – самое милое существо на свете, – говорит она. – Во-вторых, какого черта у тебя столько замков на двери? Мне не по себе от этого, Скай. Кто-то в твоём доме обижает тебя?

– Нет, ничего подобного, – я так сильно мотаю головой, что наверняка заработала себе сотрясение мозга.

– Ты должна рассказать мне все. Обещаю, что не буду осуждать тебя и никому не скажу. Но я не могу просто игнорировать эту ситуацию. Ты – моя лучшая подруга, – Меган переводит дыхание. – Как ты себя чувствуешь? Ты выглядишь так, словно у тебя худшее похмелье в твоей жизни.

– Было бы здорово, если бы у меня действительно было похмелье.

Она дотрагивается до розовой сумки-шоппера.

– Надеюсь, ты не возражаешь, но я захватила из твоей комнаты кое-какую одежду для тебя и книгу, которая лежала на тумбочке. На случай, если ты захочешь почитать.

– Это так мило с твоей стороны. Спасибо.

– Твое зарядное устройство тоже там. А теперь выкладывай, в чем дело.

Глаза Меган расширяются, когда я рассказываю ей о своей матери, и ее нижняя челюсть отвисает, пока я раскрываю некоторые – но не все – подробности о накопительстве и о том, как оно захватило дом.

– Боже мой, Скайлар! Я даже не знаю, что сказать. Это ужасно и отвратительно, и я не могу поверить, что ты никогда не рассказывала мне об этом.

– Я действительно не хотела, чтобы кто-нибудь знал, Мэг. Мне было стыдно.

– Но я же твой друг! Я думала, ты просто ведешь себя как странная девочка, которая не хочет, чтобы я видела твои игрушки и одежду. Можешь приходить ко мне домой в любое время, чтобы принять душ или сходить в туалет. И брось свои штучки. Тебе нечего стыдиться передо мной. Я люблю тебя, и ничто не может этого изменить.

Наклонившись вперед, я обвиваю Меган руками и обнимаю ее.

– Мне так повезло, что ты у меня есть.

– Мне тоже повезло, что у меня есть ты, – отвечает она, когда я отпускаю ее. – Ты годы терпишь мой склочный характер, – внезапно Меган с волнением хватает меня за руку. – Совсем забыла сказать! Угадай что?!

– Что?

– Сегодня вечером я встречаюсь с Эриком! Мы идем в закусочную, так что я не могу здесь долго оставаться. Мне нужно пойти домой и привести в порядок лицо. Мы встречаемся в восемь.

По-моему, ее лицо выглядит прекрасно. В отличие от моего собственного лица в данный момент.

– Ух ты! Кто кого пригласил на свидание?

– Я ему предложила.

– Все-таки ты! – я смеюсь, но и восхищаюсь Меган за то, что она добивается того, чего хочет. Я не уверена, что у меня когда-нибудь хватило бы уверенности пригласить парня на свидание.

– Все-таки я!

– Обязательно напиши мне после и расскажи все.

– Конечно, напишу. Я сделаю с ним селфи, чтобы ты посмотрела, как мило он сейчас выглядит.

– Уже жду с нетерпением.

Меган косится на меня и поправляет больничный халат на моих плечах.

– Но я беспокоюсь о тебе. Может, мне стоит отложить свое свидание и остаться здесь с тобой?

– Я в порядке. И хочу, чтобы ты пошла на это свидание. А я собираюсь почитать и поспать. Знаешь, как здорово спать в комнате с кондиционером вместо того, чтобы всю ночь изнемогать от духоты?

– Уверена? Я могу поужинать с Эриком и завтра вечером.

Я улыбаюсь ей.

– Я хочу, чтобы ты пошла и повеселилась. Я живу опосредованно через тебя, так что ты должна развлекать меня.

* * *

После ухода Меган на меня наваливается грусть. Я смотрю, как солнце исчезает за больничным окном. Если бы я не упала в обморок, то сейчас бы шла с работы домой, чтобы обнять Пусси и поискать советы по фотографии. Съела бы суши хот-дог на ужин и закусила бы вишневой карамелью на десерт.

Хотела бы я, как Меган, поужинать с каким-нибудь милым парнем. Я бы хотела, чтобы мое лицо было безупречным, а не бледным и больным. Я бы хотела пойти в закусочную, съесть сырную картошку фри и выпить сливочно-ванильный коктейль. Я бы хотела, чтобы мой дом был чистым и нормальным жилищем. Я бы хотела, чтобы моя мама вела себя как мама.

Я бы хотела, чтобы кто-то, кроме Меган и Пусси, любил меня и заботился обо мне. На этой удручающей мысли я закрываю глаза и пытаюсь немного поспать.

Глава 9

Скайлар

Врачи продержали меня в больнице четыре изнурительных дня. Несмотря на то, что мне не приходилось страдать всю ночь от жары, как у себя в комнате, спала я дерьмово и постоянно беспокоилась о Пусси, хотя Меган каждый вечер пробиралась в мою спальню, чтобы позаботиться о ней. Мэг присылала мне фотографии из моей комнаты, чтобы я могла убедиться, что с Пусси все в порядке.

Она также прислала мне свои фотографии с Эриком, который действительно оказался очень милым. Они встречались каждый вечер после того первого свидания в закусочной. Такое впечатление, что все планы Меган исполняются легко и непринужденно, тогда как мне постоянно приходится преодолевать какие-то препятствия.

Моя мать прислала мне одно сообщение с вопросом, что случилось. В ответ я напечатала огромный рассказ, который занял весь экран моего телефона, но она больше ничего не написала. Словно не хотела углубляться в мои проблемы. Не знаю, то ли маме просто все равно, то ли она чувствует себя виноватой. Или, возможно, она отвлеклась на какую-то рекламу в телемагазине. Полагаю, это на самом деле не имеет значения, так как конечный результат для меня один и тот же.

Час назад Меган подвезла меня до дома, и теперь я сижу на кровати с Пусси на коленях и держу в руках пять выписанных рецептов на лекарства, которые не могу позволить себе купить, и план лечения, которому не имею возможности следовать. Мне нечем платить за еженедельные визиты к психиатру, который специализируется на расстройствах пищевого поведения, тревоге и депрессии.

Однако я никогда не считала, что у меня депрессия. Иногда я бывала грустной и расстроенной, но не депрессивной.

В любом случае я не смогу пойти и выяснить это.

Два дня назад я отправила сообщение Джуду, рассказав ему, как у меня дела, и он ответил мне: «Отлично. Надеюсь, ты больше не заболеешь».

Сообщение показалось мне коротким, довольно холодным и официальным. Джуд даже не назвал меня Искоркой, хотя я надеялась на это, потому что придуманное им милое прозвище всегда дарит мне небольшой прилив счастья, а я уже довольно долгое время не испытывала ничего подобного.

Возможно, у меня *и впрямь* депрессия.

* * *

Поскольку я вернулась домой из больницы в четверг днем, Ребекка по телефону убедила меня остаться дома до утра понедельника и пока не приходиться в школу или на работу. У меня есть справка от врача для школы, так что я не беспокоюсь о проблемах там, но переживаю о том, что теряю так много своей зарплаты. Я оплачиваю счета за электричество и кабельное телевидение в доме. Не потому, что моя мать не может позволить себе заплатить, а потому, что она забывает это сделать. Свет и телевизор – это две вещи, без которых я не хочу жить, поэтому лучше заплачу сама, чтобы быть уверенной, что в конечном итоге не придется сидеть в темноте.

Я провела всю пятницу, убирая свою комнату и исследуя выявленные у меня болезни, чтобы понять, как улучшить свое самочувствие без дорогостоящих врачей и лекарств.

В пять вечера на мой телефон приходит сообщение.

Джуд: *«Привет».*

Я с удивлением смотрю на экран. Джуд никогда раньше не писал мне первым.

Я: *«Привет».*

Джуд: *«Как ты себя чувствуешь?»*

У меня постоянно горит в животе. Такое чувство, что у меня что-то застряло в горле и груди. У меня болят уши, а внутри все дрожит. Я измотана, и у меня в голове туман.

Я: *«Намного лучше, спасибо».*

Джуд: *«Хорошо. У меня остались твои кепка и сумка с книгами».*

Ох, черт!

Я: *«Я совсем забыла про них».*

Джуд: *«Я могу заскочить после работы и занести их тебе. Я заканчиваю примерно через десять минут».*

Я: *«Ты не обязан этого делать. Можешь отдать их мне в понедельник, когда я приду в школу».*

Джуд: *«Лучше привезу тебе их сегодня».*

Гос-с-споди. Он действительно очень хочет вернуть мне мои вещи.

Я: *«Хорошо. Тогда просто оставь их на крыльце. Я заберу их позже».*

Джуд: *«А мне нельзя передать их тебе в руки, как нормальному человеку?»*

Нет, Джуд. Я ужасно выгляжу без макияжа, я уже несколько дней не принимала душ и чувствую себя грязной. И я не хочу, чтобы ты видел, как я забираюсь в окно и вылезает из него, потому что давно уже не могу открыть входную дверь.

Писк приложения для обмена сообщениями возвращает мое внимание к экрану.

Джуд: *«Ты меня избегаешь?»*

Я: *«Конечно, нет. Я просто плохо себя чувствую».*

Джуд: *«Ты же говорила, что тебе стало лучше?»*

Я: *«Я имела в виду, что чувствую себя лучше, чем раньше, но все равно не очень хорошо».*

Джуд: *«Понял. Тогда, наверное, я оставлю вещи у тебя на крыльце».*

Я: *«Ты не обязан их привозить, но спасибо».*

Сорок минут спустя раздается звонок и на экране телефона высвечивается номер Джуда.

– Алло? – отвечаю я.

– Это я. Я возле твоего дома.

Черт!

– Ты можешь просто оставить вещи. Тебе действительно не обязательно было проделывать весь этот путь сюда.

Джуд откашливается.

– Вообще-то, обязательно. Я недавно столкнулся с твоей подругой. Я спросил ее, как ты, и она сказала, что беспокоится о тебе. Упомянула что-то вроде: «Особенно о том, что ей приходится жить в этом доме».

Мое сердце подпрыгивает к горлу. Я не могу поверить, что Меган действительно сказала ему это! Она пообещала, что никому ничего не скажет.

– Правда? – небрежно спрашиваю я. – Что еще она сказала?

– Это все, что она сказала. Но было совершенно очевидно, что она чем-то обеспокоена.

– Меган любит все драматизировать. Я в порядке.

– Скайлар, подойди к входной двери. Просто дай мне убедиться, что с тобой все в порядке.

Я уже много лет не видела входную дверь изнутри. Я даже не уверена, пользуется ли моя мать этой дверью еще. Я предполагаю, что она входит и выходит через дверь гаража и таким же путем приносит свои новые сокровища в дом, где по-прежнему можно перемещаться среди всех этих груд и куч вещей только паря над ними по воздуху.

– Я не могу, – отвечаю я. – Почему ты такой трудный?

– А ты почему?

– Я выгляжу ужасно.

Джуд усмехается в трубку.

– Мне насрать, как ты выглядишь. Меня волнует, все ли с тобой в порядке.

– Разве по голосу не слышно, что со мной все в порядке?

– Нет, по голосу слышно, будто ты пытаешься избавиться от меня.

– Ты, очевидно, не понимаешь намеков.

– Не пудри мне мозги, Искорка. Я постучу в дверь через две секунды...

– Не надо! – быстро говорю я. – Пожалуйста, не надо. Подойди к окну с правой стороны дома.

– Ты имеешь в виду к тому, через которое ты лазила?

Я сглатываю.

– Да.

– Хорошо, я вешаю трубку. Увидимся у окна, Рапунцель.

Я накидываю на себя белую толстовку, прикрывая капюшоном свои взъерошенные волосы. Поправляю смятое одеяло. По пути к окну я беру баллончик с освежителем воздуха и несколько раз быстро опрыскиваю комнату, затем проверяю, закрыты ли дверцы шкафа.

– Веди себя хорошо! – шепчу я Пусси.

Прежде чем Джуд успевает постучать в стекло, я распахиваю окно и выглядываю наружу. Джуд уже стоит под окном, его роста практически хватает, чтобы заглянуть внутрь.

– Привет, – говорю я.

– Еще раз привет, – Джуд протягивает руку и вручает мне мою сумку с книгами, кепку и маленького коричневого плюшевого мишку. – Я купил тебе мишку, чтобы ты быстрее выздоравливала.

– О-о, – все слова вылетели из головы. Я кладу сумку и кепку на пол возле себя, но маленького медвежонка прижимаю к груди. – Спасибо.

– Можно войти? – спрашивает Джуд.

Мой желудок камнем падает вниз.

– Сюда?

Серые глаза Джуда сверлят меня нетерпеливым взглядом разочарованного родителя, имеющего дело с непослушным малышом. Я не могу винить его, я знаю, что веду себя как идиотка.

– Ладно, – отвечаю я со вздохом, отступая от окна, чтобы Джуд мог пролезть в него. К моему удивлению, широкие плечи ему совсем не мешают. А я-то боялась, что Джуд застрянет.

Закрываю за ним окно. Джуд медленно кружит по комнате, как будто ожидает, что серийный убийца выскочит из-под кровати или из шкафа.

– Ты выглядишь лучше, – говорит он, когда его взгляд останавливается на мне.

– Спасибо.

Он медленно подходит к двери моей спальни и кивком указывает на три засова.

– Что все это значит?

– Все не так плохо, как ты, вероятно, думаешь, Джуд.

Скрестив руки на груди, он прислоняется спиной к двери, почти полностью закрывая ее своим телом. Здесь, в моей маленькой комнате, Джуд кажется намного больше.

– Если все не так плохо, зачем тогда столько замков?

– Почему тебя это волнует? – я защищаюсь, не желая говорить ему правду.

Его взгляд на мгновение смягчается, но снова становится жестким, когда Джуд делает вдох.

– Честно говоря, я и сам не знаю. Но теперь, когда я здесь и вижу *это*, – он наклоняет голову в сторону замков, – я не собираюсь просто игнорировать увиденное.

Джуд явно напоминает охотничью собаку, взявшую след. Он не собирается забывать об увиденном и уходит, а я слишком устала, чтобы придумать правдоподобную, вдохновенную ложь. В любом случае Джуд слишком умен, чтобы купиться на дурацкое объяснение.

– Ты можешь довериться мне, – говорит он. – Разве я тебе это уже не доказал?

Все еще цепляясь за плюшевого медведя как за спасательный круг, я киваю и присаживаюсь на край своей кровати.

– Да.

– Я не люблю умолять людей поговорить со мной, Искорка. Я сегодня надрылся на жаре. Я устал. Ты тоже выглядишь усталой. Облегчи дело для нас обоих, хорошо?

Джуд медленно пересекает комнату, и я смотрю на носки его потертых ботинок, когда он останавливается передо мной.

– Можно мне сесть рядом с тобой?

– Да.

Он садится на некотором расстоянии от меня, и Пусси тут же начинает тереться щекой о его руку. Я всегда думала, что она будет настороженно относиться к любому незнакомцу.

– Милая кошка, – говорит Джуд.

– Это довольно длинная история, – начинаю я. – Полагаю, кое-что происходит. Происходит *там*, – я перевожу взгляд на запертую дверь. – И происходит со мной.

Большая рука Джуда нежно гладит кошку по спине, пока он ждет, что я продолжу. В ответ Пусси мурлычет, как крошечный пушистый локомотив.

– Сама не знаю, когда это началось, но моя мама страдает синдромом патологического накопительства. Наверное, она всегда им страдала, но в мои детские годы все было не так плохо. У нее вещи навалены почти до потолка в каждой комнате дома. Невозможно перемещаться из комнаты в комнату, не перелезая через предметы или не протискиваясь между ними. Она перестала убираться много лет назад. Кухня и ванная грязные, там жуки и гниющая еда, – я с трудом сглатываю. Подбородок Джуда слегка приподнимается, и мускул на его заросшей щетиной челюсти подергивается. – Я больше не могу пользоваться туалетом, поэтому использую кошачий наполнитель в большом ведре и просто выбрасываю его каждый день. Знаю, это отвратительно, но другого выхода я не вижу.

Джуд резко проводит рукой по волосам. Он прищуривается, осматривая комнату, и наконец замечает маленький холодильник в углу.

– У меня есть там немного еды и воды, и я каждый день принимаю душ в школе после занятий физкультурой или на стоянке грузовиков. Я ничего не слышала о своем отце с тех пор, как он уехал несколько лет назад. А моя мама... она просто сидит в своей комнате. Она

работает из дома оператором службы поддержки. Но она как будто забыла обо мне. Она со мной не разговаривает. Я больше не хожу в основную часть дома, поэтому совсем ее не вижу. Я просто отправляю ей текстовые сообщения. Иногда она отвечает. Мне приходится держать дверь запертой, чтобы она не могла войти и навалить сюда всякой всячины. Я забираюсь через окно, потому что не могу добраться до входной двери.

– Что за *безумная хрень!* – рычит Джуд, выслушав меня до конца.

– Я научилась жить с этим, – поморщившись, отвечаю я, – до тех пор, пока, будем надеяться, не смогу съехать.

Он резко встает и указывает на дверь.

– Открой ее, – приказывает он. – Открой эту дверь сейчас же и дай мне посмотреть.

Мое сердце бешено колотится. Это мой худший кошмар. Я не хочу, чтобы он видел – или учуял – остальную часть дома.

– Джуд, я...

– Открывай. Сейчас же, – требует он, его грудь вздымается и опускается.

Я встаю и иду к двери. Моя рука дрожит, когда я тянусь к замкам.

– Только ничего не говори моей маме, Джуд. Она больна. Пожалуйста, не надо...

– Я не собираюсь ничего говорить. Просто дай мне посмотреть, что находится по ту сторону двери.

Моя мама, скорее всего, слишком увлечена телевизором, чтобы понять, что в доме кто-то есть.

Боль в груди распространяется до горла и ключицы, когда я отодвигаю засовы и распахиваю дверь. Джуд отшатывается и морщит нос от отвратительного запаха. Я уверена, что какая бы дружба ни завязалась между нами, она закончится к тому времени, как он уйдет сегодня вечером. Никто не захочет дружить с кем-то, кто живет в такой грязи.

Джуд издает тихий свист, отважившись сделать шаг вперед от моей двери, – настолько далеко, насколько он может пройти, не пытаясь протиснуться по узкой дорожке между груд вещей, наваленных выше его роста. Я хватаю его за руку и затаскиваю обратно в свою комнату, а затем быстро закрываю дверь и снова запираю ее.

– Теперь доволен? Ты видел «дом ужасов».

– Ты понимаешь, какая это пожароопасная ситуация? Не говоря уже о том, что подвергать опасности ребенка...

– Мне восемнадцать, – вмешиваюсь я.

– А несколько месяцев назад ты была несовершеннолетней. Это *полная дичь!* – Джуд меряет шагами мою комнату, каждые несколько секунд поглядывая на дверь спальни.

– Хочешь посидеть на заднем дворе и поговорить? – предлагаю я, понаблюдав за ним некоторое время. Ему наверняка сейчас очень хочется выкурить сигарету.

Джуд поспешно кивает.

– Да, мне нужно подышать свежим воздухом.

Несмотря на то, что я самостоятельно вылезала из окна сотни раз, Джуд протягивает руки, чтобы помочь мне, как только спрыгивает первым. Этот парень – рыцарь до мозга костей. Мы молча идем в темноте на задний двор и садимся за старый ржавый стол для бистро, который стоит здесь уже много лет. Вообще-то, только я сажусь. Джуд закуривает сигарету и смотрит в небо.

Его забота обо мне приятна, но неожиданна. Я не знаю, что делать с этой заботой. Следует быть благодарной или недоверчивой?

Как вообще понять, можно ли искренне кому-то доверять?

– Ты действительно не должна так жить, Скайлар. Это вредно для здоровья примерно по двадцати гребаным причинам.

– Я знаю. Но это все, что у меня есть. Мои возможности ограничены. Я изо всех сил пытаюсь накопить денег и убраться отсюда к чертовой матери. Вот почему я так обрадовалась, получив дополнительную работу от Ребекки. Я надеюсь, что смогу работать на нее полный рабочий день после окончания школы.

– Где твой отец? – Джуд задает этот вопрос, стоя лицом к дереву со сломанными качелями, что почему-то кажется очень уместным.

– Он жил в том автофургоне перед домом, пока его терпение не лопнуло.

Джуд оборачивается, чтобы посмотреть на меня.

– И он бросил тебя здесь на произвол судьбы?

Мое молчание служит красноречивым ответом.

Бросив сигарету на землю и раздавив ее ботинком, Джуд садится на стул по другую сторону покосившегося стола.

– Расскажи, как все прошло в больнице. Тебе делали еще какие-нибудь анализы? Ты в порядке?

Я тычу пальцем в стебелек, застрявший в ажурном краю стола.

– Да. С детства у меня были некоторые проблемы со здоровьем, но я никогда не имела возможности принимать лекарства или обращаться к врачам для дальнейшего обследования. Я думаю, все стало еще хуже.

– Почему ты не принимаешь прописанные лекарства?

– У нас нет медицинской страховки, и моя мать никогда не верила, что я болею всерьез. Меня оставили на второй год, потому что я очень часто не ходила в школу. Если я плохо себя чувствовала, мать просто отправляла меня в постель. Она перестала водить меня к врачу.

– Охренеть, – качает головой Джуд.

– У моей мамы просто... – я пытаюсь подобрать подходящее слово. – Не все в порядке с головой. Я научилась не раскачивать лодку. Сама о себе забочусь.

– Тебе не следовало этого делать.

Я выдергиваю стебелек из ловушки и бросаю его на землю.

– У меня нет выбора.

– Ты права, – Джуд потирает ладонью щетину на подбородке. – Ты в порядке? У тебя сейчас есть лекарства? Тебе станет лучше?

Хотела бы я.

– Не совсем. Я не могу позволить себе покупать лекарства или ходить на еженедельные приемы, прописанные врачом.

– *Еженедельные?!*

Все эти вопросы заставляют меня нервничать. Мне никогда раньше не приходилось ни перед кем оправдываться. Я привыкла к тому, что от меня отмахиваются и игнорируют. Что я способна раствориться в тени и исчезнуть.

Я подтягиваю колени к груди и ставлю кроссовки на стул, обхватывая ноги руками.

– Кажется, я говорила тебе, когда мы были в больнице, что у меня расстройство пищевого поведения, – напоминаю я, наконец-то встречаясь с Джудом взглядом. Крошечные морщинки прорезают внешние уголки его глаз. – Это называется расстройство избирательного питания. По-видимому, оно у меня уже давно, но в прошлом году мне официально поставили диагноз. Я скопила немного денег и пошла к врачу, но не могла позволить себе продолжать лечение.

– Что это? Как булимия?

– Нет, я не вызываю у себя рвоту. Просто не могу есть определенные продукты. То есть, физически я *могу* их съесть. Но... морально не могу себя заставить. Если я попытаюсь, меня стошнит. Или будет мутить весь день. Мне сказали, что это похоже на психическое заболевание. Я связываю определенные продукты с травмирующими вещами, которые случались со мной в детстве, и мой мозг как бы пытается защитить меня, не позволяя мне есть эти продукты.

Я рада, что на улице темно, и только уличный фонарь и луна освещают нас. Не хочу, чтобы Джуд видел мое лицо. Не хочу видеть его лицо, когда я рассказываю ему – этому парню, которого я едва знаю, но *хотела* бы узнать поближе, – все смущающие подробности о моей личной жизни.

– Думаю, это началось, когда я была маленькой, потому что моя мама хранила в доме просроченную еду. Например, молоко. Яйца. Курицу. Фрукты. Пудинг. Я ничего не понимала, поэтому ела их. Потом меня тошнило. Наверное, мой разум связал определенные продукты с заболеванием. Иногда это даже не конкретная еда, а всего лишь тот же цвет или текстура пищи, – я выдыхаю и пытаюсь оценить молчание Джуда. Он просто слушает? Жалеет меня? Осуждает? – Еще у меня проблемы с пищеварением. Кислотный рефлюкс. У меня очень сильная изжога. И боль в горле, и боль в пазухах носа. Иногда я недостаточно ем или пью, потому что от этого меня тошнит. Но если я не ем и не пью, меня тоже тошнит. Наверное, я просто жалкая развалина.

– Это не так. Никогда так не думай.

Непритворная искренность его голоса проникает глубоко в мою душу и обволакивает меня, как теплое одеяло. Я позволяю себе насладиться этим ощущением несколько мгновений, прежде чем снова начать говорить.

– Ты единственный человек, которому я когда-либо рассказывала все это. Даже Меган не знает всего, а она была моей лучшей подругой в течение многих лет.

– Просто судьба раздала тебе дерьмовые карты.

– Может и так, но я не собираюсь позволять этому продолжаться всю оставшуюся жизнь. Я найду способ выбраться отсюда и придумаю, как съесть чертов гамбургер.

Джуд смеется и кивает с выражением восхищения на лице.

– И именно поэтому я называю тебя Искоркой.

Я не знаю, как он это делает. Каким-то образом Джуд создает у меня ощущение, будто каждая молекула в моем теле научилась улыбаться.

Мне нравится это.

Мне нравится *он*.

Глава 10

Джуд

Стены розовые. Не светло-розовые, как в детской, а ярко-пурпурного оттенка розового. Бежевый ковер я убрал с пола еще несколько лет назад, и тогда на это дело мне потребовалось почти две недели. Не потому, что трудно разрезать и снять ковер, – я могу сделать это даже во сне. А потому, что более яркие, чистые, мягкие участки ковра напоминали о том, где когда-то стояли кровать и мебель.

Воспоминания могут приносить невероятную боль.

Деревянный пол, на котором я сейчас стою, намного лучше. Не скрывает никаких призраков. Но даже несмотря на то, что я обставил комнату совершенно новой мебелью, это единственное место в доме, которое продолжает казаться бездной пустоты.

Я страстно ненавижу розовый цвет, но так и не смог заставить себя перекрасить эти стены.

И все же я по-прежнему слышу, как она кричит мне. Эта гребаная комната с отвратительно девчачьими стенами. Она кричит: *«Эй! Посмотри на меня! Я – милая, чистая, розовая комната без человека!»*

Как булочка без бургера.

Выходя из комнаты, я закрываю за собой дверь. Я всегда держу эту дверь закрытой, надеясь, что, может быть, когда-нибудь услышу там голос Эрин. Услышу, как она громко включила музыку, хихикает по телефону с подружкой или выкрикивает в мой адрес колкости.

Ум подкидывает нам всякие глупости, чтобы успокоить нас.

Давным-давно в этом доме жила, как я думал, счастливая семья. Но смех перешел в крики, и это привело к разводу. Мой отец съехал, когда мне было семнадцать, а Эрин – девять. Я проводил большую часть времени на вечеринках. Я много пил, накуривался и часто попадал в неприятности. В восемнадцать я перебрался в другое жилье. Пять лет спустя у моей мамы обнаружили рак, и я покинул свою грязную квартирку, чтобы переехать обратно, – с обещанием взять себя в руки, чтобы заботиться о ней и моей сестре.

Моей маме стало лучше, но Эрин превратилась в диковатого подростка, с которым наша мать не могла справиться. Желая выглядеть крутым старшим братом, я вел себя скорее по-дружески и не обращал внимания на выходки моей сестры.

Затем она исчезла.

Моя мать погрузилась в горе, а потом встретила мужчину, который, как говорится, перевернул ее мир с ног на голову. Она захотела начать все сначала. Подальше от этого города, этого дома и всего, что напоминало ей о ее прошлом, включая меня. Она переписала дом на меня и уехала на следующий день, став третьим человеком, исчезнувшим из моей жизни.

Если бы я повлиял на сестру так, как должен был, возможно, она бы не исчезла. Наша мать не сбежала бы. Я бы не чувствовал себя виноватым, никчемным и брошенным. Кто знает, возможно, у меня не развился бы страх серьезных отношений, и я бы жил в этом доме с тремя спальнями, двумя с половиной ванными комнатами на двух краях земли с женой и детьми, а мои мама и сестра приезжали бы к нам на рождественский ужин.

Я запрыгиваю на мотоцикл и мчусь в свое любимое место в горах, пытаюсь забыть о пустой розовой комнате, но голос подсознания по-прежнему звучит в моей голове, как и всю прошлую неделю. То, что зародилось как безумная идея, обрело собственную жизнь. Чем больше эта мысль маринуется в моем мозгу, тем менее безумной и более правильной кажется.

Я могу что-то исправить.

Я не разговаривал со Скайлар с тех пор, как неделю назад побывал у нее дома. Несколько раз после этого я видел ее на школьной парковке, и мы махали друг другу в знак приветствия. Но в ту ночь чувство вины преследовало меня всю дорогу домой. С тех пор оно бродит где-то поблизости. Наблюдает за мной. Остается вне поля зрения, но постоянно напоминает о своем присутствии.

Даже горячий душ, который я принял, когда вернулся домой той ночью, не смог смыть зловоние гниющей пищи – или что там, черт возьми, так воняло – из моих ноздрей. Сон не прогнал образы засовов, груд мусора, печали и беспокойства в глазах Скайлар.

Все это казалось таким вопиющим, безнадежным и неправильным.

И, в конечном счете, ни в коем случае, ни в какой форме это не является моей проблемой или заботой.

Но точно так же, как в тот раз, когда я обнаружил Кэсси – крошечного грязного щенка, брошенного кем-то на стройке, – я не могу заставить себя уйти. Я пробовал так поступить со щенком. В течение трех дней я наблюдал, как она копошится в листьях. Я игнорировал ее всхлипы и огромные грустные карие глаза, полагая, что она сможет позаботиться о себе или кто-то другой вмешается и поможет ей. Этого не произошло. Наконец, я забрал ее домой на одну ночь, потому что было холодно, и я боялся, что она замерзнет.

На одну ночь. Ну да, как же.

Это было четыре года назад.

Я достаю свой телефон из кармана и отправляю Скайлар сообщение.

Я: *«Привет, Искорка».*

Скайлар: *«Привет, Лаки».*

Я: *«Ты сегодня на работе?»*

Скайлар: *«Да, на работе. А ты устроился в трудовую инспекцию?;-)»*

Я смеюсь и печатаю ответ.

Я: *«Нет,;-) Прокатись со мной после работы?»*

Скайлар: *«Ты хочешь снова сесть за руль моей машины, не так ли?»*

Я: *«ЛЮЛ, да. Но я также хочу поговорить с тобой».*

Проходит несколько секунд, прежде чем она отвечает.

Скайлар: *«Случилось что-то плохое?»*

Я: *«Нет».*

Скайлар: *«Ладно. Если хочешь, приходи в магазин в 3:30, и мы можем прокатиться».*

* * *

Я жду на стоянке и курю, прислонившись к капоту ее машины. Мне не хочется давать Ребекке повод думать, что между мной и Скайлар что-то происходит, хотя ужасно хочется еще того липкого шоколадного печенья.

Я: *«Есть шанс, что ты сможешь угостить меня вашим печеньем?;-)»*

Скайлар: *«ЛЮЛ. Конечно! Выйду через пять минут».*

Она выходит точно через указанное время, все еще немного бледная, но более энергичная, чем в последний раз, когда я ее видел. Сегодня на ней мокасины с бахромой, джинсы,

модно разорванные от середины бедра до колена, и пушистый черный свитер с маленькими перышками, похожими на вороны.

У этой цыпочки самая странная, самая крутая одежда, которую я когда-либо видел.

С широкой улыбкой Скайлар подходит и вручает мне свои ключи вместе с маленьким синим пакетиком печенья.

– Подозреваю, что ты хочешь видеть меня только из-за моей машины и печенья, – дразнит она, когда мы садимся в машину.

– А может, я хочу посмотреть, какой причудливый наряд ты сегодня надела.

– Что? Тебе не нравится моя одежда? – с уверенной, нахальной ухмылкой бросает Скайлар вызов.

Я завожу двигатель и даю ему поработать на холостом ходу несколько секунд.

– На самом деле, я – фанат твоих нарядов.

Когда мы выезжаем из города, я предлагаю ей угоститься печеньем, пока не сжевал все сам.

– Нет, спасибо, – морщит нос Скайлар.

– Ты хоть раз его пробовала?

– Печенье у меня в черном списке.

– Хорошо. Мне же больше достанется, – я одариваю ее улыбкой и откусываю кусочек. –

Ты уже ходила к доктору?

Она качает головой.

– Нет. Все собираюсь.

Я не готов к важному разговору, пока мы не припаркуемся в каком-нибудь тихом месте, поэтому возвращаюсь к теме еды.

– Ты голодна? Я отвезу тебя куда-нибудь поесть.

– Джуд, – Скайлар поворачивается, чтобы посмотреть на меня, и заправляет свои длинные волосы за ухо. – Пожалуйста, не пытайся накормить меня. Я не голубь в парке.

– Я знаю, я просто...

– Просто *не надо*. Я не хочу, чтобы ты меня анализировал или жалел. Просто будь моим другом, хорошо?

Я проглатываю печенье.

– Друзья не позволяют друзьям голодать.

– Я не умираю с голоду.

– Ты упала в обморок на тротуаре.

– Я вымоталась, и было чертовски жарко. Это не имело никакого отношения к другим моим проблемам. Я с самого детства как минимум раз в год падаю в обморок.

Скайлар говорит это так, как будто это совершенно нормально, что настораживает, но я удерживаюсь от комментариев. Мой нынешний план состоит в том, чтобы помочь ей, а не раздражать ее так сильно, что она захочет выпрыгнуть из машины, чтобы убежать от меня.

Пока мы едем, Скайлар рассказывает забавные истории о странных покупателях в магазине. Я не продумал заранее, куда направиться, но в итоге мы вновь оказались на детской площадке, где прыгали с качелей.

– Только не говори, что хочешь попытаться победить меня в прыжках с качелей, – заявляет Скайлар, открывая ржавую дверцу своей машины. – Ты снова проиграешь.

– Нет, просто хочу поговорить с тобой.

Она искоса смотрит на меня, пока мы идем к столу для пикника, расположенному подальше от пятерых взрослых и их бегающих вокруг детей.

– Почему я нервничаю из-за того, что ты постоянно твердишь слово «*поговорить*», словно речь пойдет о чем-то серьезном?

– Потому что речь *действительно* пойдет о чем-то серьезном.

Мы садимся на скамейку рядом друг с другом и смотрим, как маленькая девочка вываливает ведро песка себе на голову, а потом безудержно хохочет. Скайлар поворачивается ко мне, наморщив лоб. Ее язык нервно пробегает по губам.

– Итак, в чем дело, Лаки? Ты ведь не умираешь, нет?

– Черт возьми, нет.

Мои ладони взмокли. Я быстро теряю самообладание, понимая, что этот мой замысел – на самом деле в высшей степени хреновая идея. Скайлар может взбеситься, обругать меня грязными словами и убежать к своей машине. Она может подумать, что я пытаюсь помочь ей, имея за душой какой-то извращенный скрытый мотив.

– Джуд? – настойчиво окликает меня Скайлар.

– Я думал о твоей ситуации, – говорю я, потирая руки. – И решил, что могу тебе помочь.

Она поджимает губы.

– О какой моей ситуации? С домом? С болезнью?

– И то и другое.

Скайлар опирается локтем на стол, подперев подбородок рукой, и ее голубые глаза слегка прищуриваются от любопытства и настороженности.

Я все еще не могу поверить словам, которые слетают с моих губ в следующий момент. Словам, которые я даже не предполагал, что когда-нибудь скажу, особенно так.

– Я считаю, что мы могли бы пожениться.

Нет никаких сомнений, что Скайлар затаила дыхание. Она стала совершенно неподвижной и молчаливой и смотрит на меня, кажется, уже целую вечность. Наконец, она моргает и приходит в себя.

– *Что* мы могли бы сделать?! – она буквально выкрикивает слово «*что*». Две женщины у песочницы оглядываются на нас.

Я откашливаюсь и старательно избегаю смотреть на невольных свидетелей происходящего.

– Пожениться. Только на бумаге, – быстро добавляю я, как будто это может смягчить потрясение. – Я могу включить тебя в свою страховку, чтобы ты могла сходить к врачу и получить свои лекарства. Ты могла бы жить в моем доме, если хочешь. У меня есть лишняя, пустая комната. У тебя была бы своя ванная комната. Никаких обязательств. Будем жить исключительно как соседи по дому, пока ты не встанешь на ноги.

– Ты хочешь жениться на мне?! – переспрашивает она, совершенно ошеломленная.

– Нет, – отвечаю я. – То есть да, но только чтобы помочь тебе. Это не будет *настоящим* браком. Как только ты закончишь учебу, сможешь работать полный рабочий день и получишь собственную страховку, мы разведемся. Не вижу проблемы. Но до тех пор это исправит ту дерьмовую ситуацию, в которой ты оказалась. У тебя будет безопасное чистое место для жизни, и ты сможешь получить необходимую медицинскую помощь.

Похоже, у Скайлар шок. Ее лицо еще больше побледнело. Она смотрит мимо меня на детей, играющих позади нас. Похоже, она оцепенела, сидя здесь рядом с парнем, который в ее глазах, должно быть, выглядит маньяком. И ведь правда, я веду себя как настоящий сумасшедший, предлагая брак восемнадцатилетней девушке.

Которая все еще учится в школе.

Так держать, Лаки. Ты официально рехнулся.

Внезапно у меня возникает спонтанное желание превратиться в облако дыма и исчезнуть.

– А тебе это зачем? – ее голос дрожит.

Вопрос ставит меня в тупик. Зачем это *мне*?!

– Э-э-э... – я провожу рукой по волосам и достаю сигареты из кармана. Не знаю, как объяснить, потому что, хотя на первый взгляд для меня в этом браке нет никакого смысла, на более глубоком, личном уровне он есть.

Искушение. За то, что не смог или не захотел помочь кому-то другому в прошлом. Шанс не позволить еще одной девушке пропасть, когда у нее вся жизнь впереди.

Я открываю «зиппо», закуриваю «Мальборо», затем делаю глубокую затяжку.

– Просто хочу сделать что-нибудь хорошее, – я выдыхаю дым в сторону от нее. – Вот и все.

– Но почему? Почему я?

– Почему бы и нет? – пожимаю я плечами. – Думаю, ты заслуживаешь передышки. Ты хороший человек.

Скайлар сгибает ноги в коленях и поджимает под себя, не сводя с меня взгляда.

– А что насчет Мусси-Пусси?

Я давлюсь дымом и впадаю в истерический хохот.

– Это что еще, черт возьми, за имечко такое?

– Так зовут мою кошку, Джуд, – отвечает Скайлар таким тоном, словно я должен бы это знать. – Мусси-Пусси.

– Заберем ее с собой. Вместе веселее.

– А как твоя собака? Она дружелюбна к кошкам?

– Я думаю, мы это выясним.

Ее бровь приподнимается.

– Ты живешь один?

– Да.

– В этом городе? И я останусь в своей школе?

– Да.

Следующие несколько минут проходят в молчании, и я предполагаю, что Скайлар обдумывает новые вопросы. Краски постепенно возвращаются на ее лицо. Наконец, на ее губах появляется нерешительная, застенчивая улыбка.

– М-мне придется сменить фамилию?

Я даже не подумал об этом.

– Только если сама захочешь. Это полностью решать тебе.

Скайлар делает долгий, медленный вдох и на несколько мгновений закрывает глаза, а затем открывает обратно.

– Это просто... вау. Мой разум сейчас как бы взорван, Джуд. Я-то думала, что моим самым важным решением в этом году будет – что надеть на выпускной бал. А не *это*.

– Я тоже вообще-то ничего подобного не планировал. Но когда я увидел, в каких условиях ты живешь, и узнал, что ты не можешь обратиться к врачу, и нашел тебя лежащей на тротуаре, все это просто потрясло меня. Я не знаю почему, но это на меня повлияло, и я хочу что-то *сделать*.

Не знаю, как объяснить Скайлар то, чего сам не могу понять. Все, что я знаю, это то, что, побывав в ее доме, проснулся на следующее утро с чувством, что *обязан* сделать что-то для нее. Как будто это какая-то миссия, которая была возложена на меня.

– Ты серьезно об этом говоришь? По-настоящему? – спрашивает она.

– Совершенно серьезно. Я хочу помочь тебе. Ничего больше, я обещаю. Мне только нужно, чтобы ты подписала брачный контракт, в котором говорится, что ты не имеешь права на половину моего имущества после развода. Это все, что я хочу взамен.

– Меня это устраивает. Я не претендую на твое имущество.

Мое сердце колотится – то ли потому, что я страшусь того, во что ввязываюсь, то ли по какой-то другой причине.

– Я получу кольцо? – спрашивает Скайлар игривым и практически полным надежды тоном.

– Кольца с бриллиантами предназначены для *неподдельных* предложений руки и сердца. Но, думаю, мы обменяемся обручальными кольцами, просто чтобы все было по закону. Но нам не обязательно их носить.

– Ладно.

– Так... это значит «да»?

Ее голова наклоняется набок.

– Может быть... Наверное, да.

– Наверное?! – со смехом повторяю я. – Черт, я рад, что это не было настоящим предложением руки и сердца. Я бы сейчас сидел здесь раздавленный.

Она игриво толкает меня в плечо.

– Ничего подобного. Я хочу подумать об этом пару дней, хорошо?

– Черт возьми, да. Думай столько, сколько захочешь.

– Тебе тоже стоит подумать об этом.

– Я думал об этом с той ночи, когда побывал у тебя дома. Никто не должен так жить. У меня есть дом. У меня есть медицинская страховка. У меня нет ни жены, ни детей. Нет никаких причин, по которым я не могу тебе помочь.

– Но разве это не будет стоить тебе денег?

– Немного. Но это не проблема. Даже не беспокойся об этом.

– Разве не будет странно, что я продолжаю учиться в школе и состою в законном браке?

– Да... но тебе не обязательно кому-то говорить. Я-то уж точно не собираюсь это афишировать. Это просто договоренность, не более того. Я бы не женился на тебе по-настоящему.

Ее голова медленно опускается, и длинные волосы падают на лицо, когда Скайлар смотрит в землю. Несколько долгих мгновений она остается в таком положении, ее лицо скрыто от меня.

– Все нормально? – спрашиваю я.

– Да, – она кивает и шмыгает носом.

Ее хриплый шепот буквально разрывает мое сердце в клочья.

Осторожно убираю волосы с ее лица.

Я не ожидал увидеть слезы. Я сопротивляюсь желанию вытереть их.

– Эй, что случилось? Я думал, ты будешь счастлива.

Скайлар вытирает слезы кончиками пальцев и слабо улыбается.

– Так и есть. Я невероятно счастлива. Я... потрясена, – она поднимает на меня взгляд своих больших голубых глаз. – Никто никогда не делал для меня ничего настолько хорошего. Никогда.

Прежде чем я успеваю сказать хоть слово, Скайлар обнимает меня за плечи, и ее теплая влажная щека прижимается к моей шее.

– Спасибо, – тихо говорит она. – Ты потрясающий.

– Я не потрясающий, Искорка. Просто пытаюсь быть хорошим парнем.

Она обнимает меня крепче.

– Нет, потрясающий. Ты самый лучший на свете.

Я не ожидал слез и объятий.

И не ожидал, что обниму ее в ответ.

Глава 11

Скайлар

Я хожу как в тумане после того, как вчера встретила с Джудом.

Брак.

Брак *по договоренности*.

Со взрослым, едва знакомым мне мужчиной, а ведь я еще даже школу не закончила.

Я видела фильмы об этом – про браки по расчету.

Браки только на бумаге.

В фильмах обычно все заканчивается слащаво-романтически, супруги влюбляются друг в друга и живут дальше долго и счастливо. Но с нами этого не случится. Я твердо нацелена исполнить мечту всей своей жизни: купить автофургон и путешествовать по миру вместе с Пусси.

Меня так и подмывает рассказать обо всем Меган и посоветоваться с ней, но останавливает страх услышать от нее, что я совершаю самую большую глупость на свете. Или она может рассказать Эрику, а тот может рассказать кому-то еще, и скоро вся школа узнает.

Как всегда, мне приходится надеяться только на себя, вот только сейчас я пытаюсь принять одно из самых важных решений в своей жизни.

Я сижу на полу с Пусси, которая внимательно слушает, не сводя с меня своих ярко-зеленых глаз.

– Это может обернуться катастрофой, – говорю я. – Мы будем жить в доме с человеком, которого едва знаем. Он может оказаться психом. Он может запретить нас в подвале и заставить меня рожать детей. Или может заморить нас голодом, и никто даже не узнает, что мы мертвы. Он просто скажет всем, что мы обокрали его и сбежали.

Кошка изгибает усы вперед и топчет лапами мою руку, желая, чтобы ее погладили.

– Или, может быть, он действительно просто хороший парень. Мы могли бы жить в чистом доме и научиться есть хорошую еду. Мы могли бы нормально пользоваться входной дверью. И иметь настоящую ванную комнату. Я могла бы накопить денег на наш фургон, и через год мы зажили бы припеваючи, – я медленно чешу кошке голову и глажу ее по щекам. – От нас требуется лишь довериться ему. До сих пор он был милым, верно? Он не сделал и не сказал ничего жуткого. Он ходит на работу каждый день. И он называет меня Искоркой, Пусси.

Вздыхая, я оглядываю свою полупустую комнату. В шкафу для меня и кошки стоят ведра с кошачьим наполнителем для туалета. На двери три засова.

Это не дом. Это тюрьма.

Мне уже исполнилось восемнадцать – я совершеннолетняя. Сама отвечаю за принятие своих собственных жизненных решений – правильных или неправильных.

Джуд предлагает мне выход, от которого отказалась бы только идиотка. Возможность выйти за него замуж и принять его помощь может изменить все мое будущее.

Я напоминаю себе, что это не настоящий брак. Не настоящая свадьба. Это всего лишь клочок бумаги, который вытащит меня из этого дома и позволит мне жить достойной жизнью.

– Тебе не придется называть его папой, Пусси. Ничего подобного. И я уверена, что его собака будет хорошо к тебе относиться. Возможно, тебе понравится иметь пушистого друга, с которым можно тусоваться.

Кошка сворачивается калачиком рядом со мной, явно довольная нашим разговором.

Я беру мобильный телефон и набираю номер Джуда.

– Привет, – отвечает он.

– Привет... – я нервно накручиваю волосы на палец. – Я подумала о твоём предложении.

– Давай назовем это соглашением, хорошо?

– О соглашении, – поправляю себя я. – Я хотела спросить, можно ли мне сначала приехать и посмотреть твой дом?

– Э-э, конечно. Мне первому следовало предложить это тебе. Я не подумал...

– Все в порядке. Мне самой это только что пришло в голову.

– Я недавно закончил тренировку. Мне нужно принять душ, так что приходи около четырех.

– Звучит здорово.

– Можешь прийти с подругой, если хочешь, – предлагает Джуд. – Если это поможет тебе почувствовать себя более комфортно.

– Пожалуй, я лучше приду одна. Но спасибо.

– Я сейчас пришлю тебе свой адрес.

Через несколько секунд приходит сообщение, и я улыбаюсь, прочитав адрес. Уинтерберри-роуд. Звучит причудливо и безопасно.

– Пожелай мне удачи, – говорю я Пусси после того, как немного накрашилась, надела толстовку с логотипом «Doors»¹¹, джинсы и черные высокие кроссовки.

Сверяясь с GPS-навигатором на своем телефоне, я еду через весь город в незнакомый мне пригород. Уинтерберри-роуд – это лесистая извилистая боковая дорога, отходящая от такой же извилистой боковой дороги. Дома расположены в стороне от проезжей части и далеко друг от друга – совсем не похоже на скучные, однотипные жилища на моей улице, которые стоят практически друг на друге. Почтовый ящик Джуда появляется в зоне видимости раньше, чем его дом, и я смотрю на него, убеждаясь, что не ошиблась адресом, а затем въезжаю на длинную гравийную подъездную дорожку.

Мое сердце начинает биться быстрее, когда я подъезжаю к дому. В надежде успокоиться я делаю глоток из бутылки с водой и открываю окно, чтобы подышать свежим воздухом. Я хочу казаться спокойной, зрелой и уравновешенной, даже если мысленно схожу с ума.

Двухэтажное жилище в стиле фермерского дома с верандой, цветочными клумбами и гаражом – это не то, что я ожидала увидеть. В таком доме скорее могла бы жить целая семья, а не одинокий парень, покрытый татуировками. Если бы его пикап не стоял на подъездной дорожке, я бы подумала, что заехала не туда.

Сбитая с толку, паркую свою машину перед гаражом рядом с грузовиком Джуда. Когда я поднимаюсь по выложенной кирпичом дорожке к крыльцу, в моей голове проносится единственная мысль: я могла бы жить здесь. Я могла бы сидеть на качелях на крыльце. Пусси могла бы смотреть в окно на все эти деревья и разглядывать птиц и бурундуков.

– Ты добралась.

Вздрагиваю от звука его голоса. Я была так погружена в свои мысли, что не услышала, как Джуд открыл входную дверь, и теперь маленькая пушистая собачка радостно вьется у моих ног.

– Привет... я не... она такая милая, – заикаясь, бормочу я, опускаясь на колени, чтобы поприветствовать очаровательную собачку. Она пытается покрыть меня поцелуями. – Разве ты не прелесть? – воркую я, проводя руками по ее мягкому меху. Ее мордочка едва видна за нависшей на глаза копной шерсти.

– Кэсси, перестань. Давай не будем ее терзать в клочья, – говорит Джуд. – Извини, она в восторге. У нас не так часто бывают гости. Она успокоится, как только ты перестанешь быть волнующей, – он неловко улыбается. – То есть я уверен, что ты волнующая, но ты наскучишь. Ей. Я имею в виду, ты просто перестанешь казаться ей новинкой, – Джуд съеживается от

¹¹ Легендарная американская рок-группа, основанная в Лос-Анджелесе в 1965 году. Одна из самых влиятельных и противоречивых групп 1960-х годов – и из-за лирики и голоса Джима Моррисона, и из-за его сценического образа.

собственной неловкости, и это делает его чертовски сексуальным. – Ты понимаешь, о чем я говорю.

– Да, – я улыбаюсь и обвожу двор взмахом руки. – Здесь очень красиво.

– Заходи внутрь.

Я следую за ним через парадную дверь и с облегчением и удивлением вижу, что внутри так же красиво и уютно, как и снаружи. Большая кухня переходит в столовую. Здесь есть уютная гостиная с камином из серого кирпича. И так много окон! Все аккуратно и чисто – за исключением некоторого общего беспорядка на кухонном столе. Единственное, чем здесь пахнет, – это одеколоном Джуда. Или, возможно, так пахнет его лосьон после бритья или масло для бороды, рекламу которого я постоянно вижу в социальных сетях. В любом случае здесь не пахнет ничем заброшенным или гнилым.

– Здесь прекрасно, – говорю я. – Я не ожидала, что твой дом окажется таким милым.

– Почему? Потому что я одинокий парень?

– Да.

Его плечи приподнимаются.

– Я тоже удивлен. Это был дом моих родителей, и я в некотором роде унаследовал его. Потихоньку перестраиваю его. Этот уровень закончен, но я все еще работаю над верхним этажом, а затем закончу подвал.

– Дом прекрасен. Правда.

– Давай я покажу тебе кое-что. Мне кажется, это может понравиться твоей пусси-мяу.

Смеюсь над тем, как он исковеркал кличку моей кошки, и следую за Джудом в заднюю часть дома. Мы входим в зимний сад – все его стены и потолок стеклянные, – наполненный множеством переплетающихся растений и целой уймой цветочных горшков, расставленных на маленьких столиках.

– Ух ты! – восклицаю я. – Здесь так круто!

– Спасибо. Моя мама увлекалась растениями. Мне потребовалось некоторое время, чтобы научиться обращаться с ними. Выжили не все, но у оставшихся теперь все в порядке.

Джуд пересекает комнату.

– У меня есть растение алоэ, – он указывает на ряд маленьких ящичков. – И я выращиваю здесь кое-какую траву. Естественно, разрешенную законом, – эта дявольская ухмылка. – Ты умеешь готовить? – в его словах слышится намек на надежду.

– Я?! – наверное, Джуд позабыл, что я уже давно не могу даже попасть на кухню дома. Или тот факт, что я мало ем. – Нет, но всегда хотела научиться.

– Ну, если ты захочешь поэкспериментировать, я готов стать твоим подопытным кроликом. Обычно я слишком устаю после работы, чтобы приготовить что-нибудь приличное. Если захочешь. И если решишь, что хочешь жить здесь.

Его нервозность, на самом деле, придает мне уверенности во всей этой сумасшедшей ситуации. Похоже, Джуд чувствует себя так же неловко и неуверенно, как и я, и это создает у меня ощущение, будто мы в одной лодке.

– Я бы с удовольствием попробовала готовить. Обещаю постараться не отравить тебя, – я счастливо кружусь по комнате. – Пусси здесь понравится.

– Хочешь посмотреть верхний этаж?

Я взволнованно киваю, и Джуд ведет меня за собой.

– Как я уже сказал, здесь все еще продолжается ремонт, – он кивком указывает в сторону шпаклевки на стене коридора. – Но спальня и ванная, которые достанутся тебе, обновлены и ими никто не пользовался. Это ванная, – мы останавливаемся перед белой дверью, и я быстро заглядываю внутрь. Мне требуется серьезное самообладание, чтобы не визжать и не прыгать до потолка. Кафельный душ! Туалет! Двойные раковины! Все такое чистое – сплошь белое и светло-серое. И все пахнет такой свежестью!

– Джуд... это потрясающе. Я могла бы жить в этом душе, просто чтобы ты знал. Его глаза светятся гордостью, и вполне заслуженно. Он проделал отличную работу.

– Можешь жить и в душе, если пообещаешь содержать его в чистоте. Это все, о чем я на самом деле прошу.

– Я буду содержать его в чистоте. Обещаю, – говорю я торжественно. Я никогда, никогда не смогла бы разрушить ничего из этого. Ни его доверие, ни его красивый дом.

– Прямо по соседству расположена твоя спальня. Извини, что комнаты несовмещенные.

Как будто это имеет значение. Между дверями всего несколько футов, но это абсолютно чистая, безопасная и беспрепятственная зона для прогулок. Для меня это как рай.

Джуд открывает дверь, чтобы показать комнату, которая выглядит очень по-девичьи из-за розовых стен. В ней нет никакой мебели, кроме двух белых комодов, двух прикроватных тумбочек и двуспальной кровати со светло-серым стеганым одеялом.

– Э-э-э... ты покрасил стены для меня? – дрожь беспокойства пробегает по моему позвоночнику. Неужели Джуд решил, что я обожаю ультрадевичачий розовый цвет?

– Нет. Боже, нет. Я бы никогда добровольно не покрасил комнату в такой цвет, – он проводит рукой по лицу. – Это была комната моей младшей сестры. Я избавился от всех ее вещей и старого ковра, но ей так нравился этот цвет. Я просто не смог закрасить его. Все совершенно новое: кровать, простыни и одеяло, комоды. Ненавижу пустые комнаты. Я обставил эту спальню задолго до того, как мы познакомились.

Я быстро выдыхаю с облегчением.

– Здесь красиво, – от меня не укрылось, как Джуд опустил глаза, когда упомянул свою сестру. Он определенно чего-то недоговаривает. Но это нормально. Я здесь не для того, чтобы совать нос в личную жизнь этого парня.

– Ты можешь перекрасить стены, если хочешь.

– Нет, – я касаюсь его руки. – Мне все нравится. Это счастливый цвет. Мне бы такое определенно не помешало.

Комната намного больше, чем моя, и шкаф тоже больше. Окна выходят на лес и цветочные клумбы на заднем дворе. Скоро листья станут ярко-красными, желтыми и оранжевыми – идеальный вид Новой Англии.

Я прохожу по комнате, слегка касаясь мебели, затем поворачиваюсь к Джуду. Он стоит в дверном проеме, прислонившись к косяку. Его волосы все еще влажные после душа, часть прядей свисает на глаза. Черная рубашка натянулась на руках и груди, которые выглядят накачанными после тренировок.

Трудно игнорировать все эти татуировки, мускулы и то, насколько мужественно Джуд выглядит. Это немного пугает. Единственный мужчина, с которым я когда-либо жила, – это мой отец, и у него не было такого массивного, завораживающего взгляд телосложения. Но мне придется привыкнуть к этому, если я хочу здесь жить.

И я действительно очень хочу здесь жить. Я хочу переехать прямо сейчас.

– Скайлар?

– А?

Ой. Я стою посреди комнаты и пялюсь на Джуда, как идиотка. Надеюсь, у меня не было глупого, мечтательного выражения лица.

Но, судя по ухмылке Джуда, – да, оно определенно было.

– Я спросил, не хочешь ли ты спуститься вниз и обсудить все это?

Мои щеки внезапно вспыхивают, а сердце трепещет от смущения.

– Звучит неплохо, – засунув руки в передний карман толстовки, я улыбаюсь и проскальзываю мимо Джуда в дверной проем.

Усевшись вместе с Джудом на кухне, я отказываюсь от его предложения выпить чего-нибудь прохладительного и тут же начинаю переживать, что повела себя грубо. Люди не осознают, как часто они предлагают друг другу еду и напитки и как трудно таким, как я, вынужденно отказываться, опасаясь оскорбить их. Еда и напитки – это социальное поведение. Надеюсь, с помощью доктора я смогу научиться нормально относиться к подобным вещам.

– Могу я заинтересовать тебя хотя бы кусочком хлеба? – полушутя интересуется Джуд. – У меня есть пшеничный хлеб.

Бросаю на него быстрый взгляд.

– Джуд. Я в порядке. Пожалуйста, просто сядь. Перестань пытаться накормить меня. Обещаю, что пойду к врачу и сделаю все возможное, чтобы преодолеть свое отвращение к еде и напиткам. Но не надо заставлять меня.

– Я не пытаюсь заставить тебя. Просто пытаюсь быть вежливым.

– Я знаю, и это мило, и я ценю это. Но ради нашего взаимного спокойствия давай не будем играть в игру «что я могу предложить Скайлар поесть или выпить». Ты можешь есть и пить при мне, меня это не беспокоит.

– Это беспокоит *меня*. Это кажется невежливым.

– Это не грубо, – уверяю я его. – Я не смогу здесь жить, если буду чувствовать себя так, словно нахожусь под микроскопом. Я к этому не привыкла, и это меня бесит.

Джуд откидывается на спинку деревянного стула и кивает.

– Ты права. Если мы собираемся жить вместе, лишний стресс нам не нужен. Особенно тебе. Я буду держать себя в руках.

Боже! Неужели я действительно собираюсь это сделать?!

Но как я могу отказаться от этого? Если я не съеду, обстановка у меня дома будет становиться все отвратительнее. Я не могу позволить себе лекарства и визиты к врачу, так что мне будет еще хуже. Я боюсь ухудшения самочувствия и не знаю, насколько плохо мне станет. Что со мной будет? Что, если я заболею так сильно, что не смогу работать? Я могу зачехнуть и умереть, запертая в своей спальне. Моей маме понадобятся месяцы, чтобы понять, что я мертва. Пусси тоже умрет.

Мое сердце колотится, голова кружится, кожа покрывается тонким слоем пота. Почему вдруг стало так жарко? К сожалению, я не могу снять толстовку, ведь под ней на мне только лифчик. Здесь так много окон, но все они закрыты. Мне нужен воздух...

– Ты в порядке, Искорка?

Я моргаю, глядя на Джуда. Его силуэт внезапно становится размытым.

– Скайлар? – его лицо, наконец, появляется в моем поле зрения, и он прищуривает стального цвета глаза, глядя на меня.

– Ты снова бледная, как привидение.

– Прости... У меня кружится голова.

– Черт! – Джуд отодвигает стул и идет к раковине, смачивает стопку бумажных полотенец. – Положи это себе на лоб.

Я делаю, как он просит, прижимая холодные полотенца к лицу.

– Попробуй сделать глоток, – Джуд достает из холодильника бутылку, откручивает крышку и протягивает мне. – По сути, это вода со вкусом апельсина. В ней есть электролиты и нет ничего лишнего. Ничего такого, что могло бы испортиться. Я знаю, что нарушаю наше соглашение о запрете навязывания еды или напитков, но я не могу позволить тебе упасть в обморок на моей чертовой кухне.

– Ладно, – шепчу я, сдаваясь. Я смутно помню, как пила подобные напитки в детстве. Мне не нравится класть в рот что-то, по цвету напоминающее карандаши для рисования, потому что это всегда казалось мне неправильным и небезопасным.

Мои пальцы дрожат, когда я сжимаю бутылку. Джуд не сделал бы мне ничего плохого. Я видела, как он откручивал крышку. Я услышала легкий хлопок при откупоривании. Это был новый, запечатанный напиток. Если меня затошнит, то прямо по коридору есть ванная, а Джуд уже доказал, что отвезет меня в больницу, если в этом появится необходимость.

Я доверяю ему.

Осторожно делаю глоток холодного, слегка сладкого напитка, и вкус не кажется мне ужасным. Я жду, что случится что-то плохое – даже не знаю, что именно, – но ничего не происходит. На самом деле напиток очень освежает. Мне бы хотелось, чтобы он был прозрачным, а не ярко-оранжевым, но если не смотреть на цвет, то, похоже, его можно выпить и не сойти с ума.

– У-у тебя есть какая-нибудь темная кружка, куда можно перелить напиток из бутылки? И соломинка? – спрашиваю я.

Четыре секунды спустя Джуд переливает ароматизированную воду в высокую черную кружку и вставляет в нее зеленую соломинку.

Я благодарно улыбаюсь и продолжаю пить с закрытыми глазами. Сладость приятная. Головокружение начинает спадать. Ничего плохого не происходит.

– Думаю, у меня начиналась паническая атака, – говорю я. – Но это не похоже на тот случай, когда я упала в обморок в прошлый раз.

– Паническая атака?! – переспрашивает Джуд, плюхаясь на стул напротив меня. – Почему? Ты боишься здесь находиться?

Боюсь. Взволнована. Обеспокоена. Полна надежды.

Я опускаю взгляд на собаку, свернувшуюся калачиком на маленьком коврик перед раковиной. Рядом с ней лежит потрепанный плюшевый мишка. Она здесь счастлива. Окружена любовью.

– Слегка перенервничала. Наверное, я боюсь принять неправильное решение, – убираю влажные полотенца со лба и кладу их на стол перед собой. – Я так устала жить в том доме. И все время чувствую себя больной. Я боюсь того, что случится со мной, если я останусь там.

– Я тоже, – мягко соглашается Джуд.

– Я практически и не бралась за учебу в этом году, – признаюсь я. – Подумывала бросить школу и работать полный рабочий день, чтобы, если повезет, заработать достаточно денег и снять комнату или квартиру, – делаю еще один глоток холодного напитка. – Но я обещала своему дедушке, что никогда не брошу учиться. Я знаю, это глупо, но даже несмотря на то, что дедушки больше нет, боюсь, что он расстроился бы, если бы я нарушила обещание.

– Это не глупо. Тебе следует окончить школу. Даже пойти в колледж. Так чертовски трудно выбраться из ямы, если в прошлом совершал неправильные поступки. Порой выбраться вообще не получается. Поверь, у меня есть такой опыт.

– У меня такое чувство, будто я уже одной ногой в этой яме.

– Вот почему я пытаюсь тебе помочь.

Поигрывая соломинкой в своей кружке, я через стол разглядываю Джуда и пытаюсь понять, что же с ним произошло. Почему он живет здесь один? Разве симпатичный парень его возраста не должен быть уже женат? Почему он не продал этот большой дом и не купил что-нибудь поменьше? Почему он не хочет перекрасить ту розовую комнату? И почему, почему, *почему* он хочет помочь *мне*?!

Я нервно облизываю губы.

– Я все еще не понимаю, почему ты хочешь мне помочь. Я же никто.

Услышав последние слова, Джуд отшатывается.

– Ты не никто.

– Но ты даже не знаешь меня... По-настоящему не знаешь.

– И что? Люди помогают друг другу каждый день, не зная друг друга по-настоящему, не так ли? – Джуд опирается локтями на стол, его напряженные серые глаза пристально смотрят на

меня. – Врачи помогают пациентам. Мужчины помогают женщинам и старикам нести тяжелые сумки в магазине. Некоторые жертвуют деньги незнакомым людям. Кто-то останавливается, чтобы помочь, если чья-то машина застряла на обочине дороги. В мире *есть* хорошие люди, Скайлар. Люди, которые ничего не хотят взамен, им достаточно знать, что они помогли кому-то другому. У меня было дерьмовое прошлое. Я совершал дерьмовые поступки. Возможно, я просто хочу получить шанс хоть раз сделать что-то хорошее. Неужели это так плохо?

С трудом сглатываю, столкнувшись с напором неприкрытой искренности Джуда. Не думаю, что кто-либо когда-либо был так глубоко честен со мной прежде. Я все еще подозреваю, что существует какая-то скрытая причина, по которой Джуд хочет мне помочь, но мне больше не кажется, что это может быть что-то сомнительное.

– И это все, что тебе нужно? Просто сделать доброе дело для незнакомки?

Джуд снова откидывается на спинку стула и закатывает рукава на предплечьях.

– Ага. Это все, что нужно.

Но его нарочито грубый голос не скрывает того, что говорят его глаза, – этот акт доброты значит для него нечто большее.

– Что ж, тогда, наверное, я счастливица, не так ли, Лаки? – я стараюсь поднять настроение улыбкой.

– Ну разве что немного, – отвечает он мне дерзкой ухмылкой.

Сделав глубокий вдох, я ставлю кружку на стол и отодвигаю ее чуть дальше от себя.

– Итак, если мы сделаем это... как все будет? Каков наш следующий шаг?

Мириады свадебных сцен из фильмов проносятся у меня в голове.

– Ты уверена, что хочешь поговорить об этом сегодня? Не хочешь подождать, пока тебе станет лучше?

– Я уже в порядке. Думаю, мы должны поговорить об этом сейчас, чтобы я могла принять окончательное решение.

Джуд кивает и откидывает назад быстрым движением головы волосы, которые упали ему на лицо.

– Ладно. Пожалуй, для начала я попрошу своего адвоката составить брачный контракт с описанием условий, что при разводе ты не имеешь права ни на мое имущество, ни на алименты. Не пытаюсь быть мудакон, но я вынужден защитить свой бизнес и свой дом.

– Абсолютно тебя понимаю.

– Если хочешь внести какие-то свои условия в контракт, дай мне знать.

– Например, какие?

– Ну, не знаю. Например, что я не могу претендовать на половину твоего имущества.

– Какого имущества? – фыркаю я. – На половину моей развалюхи-машины и половину моей кошки?

– Ага. Вот что я тебе скажу... Просто чтобы все было честно, я хочу, чтобы в контракте было указано, что ни один из нас не может претендовать на имущество другого или на что-либо, что мы приобретем в браке. Все наши доходы останутся отдельными. Я оплачу все, что нужно, чтобы включить тебя в мою страховку, но остальные расходы придется тебе нести самой.

– Меня это устраивает, – отвечаю я, внутренне надеюсь, что смогу позволить себе покрыть другие расходы. – А что насчет арендной платы?

– Я не собираюсь брать с тебя арендную плату, Скайлар. Я владелец этого дома.

– Ну, я не могу просто жить здесь бесплатно. Даже дома я оплачиваю некоторые счета.

Я не хочу сидеть на твоей шее, Джуд.

Он вздыхает и проводит рукой по волосам.

– Вполне справедливо. Как насчет того, что ты будешь ходить за покупками и оплачивать продукты? Я ненавижу ходить по магазинам, так что это будет для меня большим подспорьем, – его взгляд блуждает по комнате. – И ты можешь расчесывать собаку.

– Могу ли я поливать растения и убирать в доме?

– Ты не горничная. Я не хочу и не ожидаю этого.

– Но мне *хочется* это делать.

– Ты можешь делать это, если хочешь, но заставлять я не буду. Мне ничего от тебя не нужно.

– Я знаю. Мне просто хочется чувствовать себя полезной. Иначе совесть замучает. Но я не буду заходить в твою комнату или ванную.

– Договорились. Затем, я полагаю, мы выберем дату, получим разрешение на брак и договоримся о священнике. На церемонии не будет ни гостей, ни свидетелей, только мы.

– Ладно.

В детстве я никогда не мечтала о свадьбе принцессы и развевающимся белом платье, поэтому не удивляюсь тому, как спокойно звучит мой голос, – как будто это совершенно обычный разговор, а не самое безумное решение, которое когда-либо приходилось принимать моему мозгу.

И это говорит о многом.

– Ты куришь? Выпиваешь? – спрашивает Джуд.

Эти внезапные вопросы меня ошеломили.

– Я недостаточно взрослая, чтобы пить.

– Ой, – уголок его рта опускается. – Прости. Я и забыл, что тебе всего восемнадцать.

– Я бы не стала пить, даже если бы *была* достаточно взрослой. И я никогда не курила.

– Как ты уже поняла, я курю, но никогда не делаю этого в доме. Время от времени я люблю опрокинуть баночку пива. После работы я каждый вечер валяюсь на диване с собакой. Просто чтобы ты знала, я не устраиваю здесь вечеринок. Здесь всегда тихо.

Учитывая его длинные волосы, бесконечные татуировки и брутальную, сексуальную внешность, я бы никогда не подумала, что Джуд окажется тихим и домашним. Мне казалось, что он любит зависать в барах или стрип-клубах.

Я испытываю облегчение, узнав, что ошибалась.

– Я тоже люблю тишину, – говорю я. – Как и Пусси. Мы не будем тебя беспокоить. Я ни с кем не встречаюсь. Мы с Меган обычно тусуемся у нее дома. Все, чего я хочу, – это вылететь, съехать из дома матери, получить образование и наладить свою жизнь. Я не устраиваю вечеринки. Обычно я ложусь спать к десяти вечера.

Джуд подмигивает мне, и мое сердце бросается в странный лошадиный галоп.

– Неудивительно, что ты ни с кем не встречаешься.

– Спасибо, придурок, – я игриво пинаю его под столом.

– Шучу, шучу! Я и не думал, что ты ярая тусовщица. Ты кажешься слишком здравомыслящей.

– Это начинает казаться очень странным допросом.

Усмехнувшись, Джуд слегка откидывает голову назад, обнажая татуировки на шее. Мне очень нравится маленький зеленый четырехлистный клевер прямо под его ухом.

– Обещаю, больше никаких странностей. Я не собираюсь доставлять тебе неприятности.

– А я не собираюсь сводить тебя с ума или делать глупости, – обещаю я. – Ты даже не заметишь моего присутствия. Я буду сидеть в своей комнате.

– Тебе не обязательно сидеть в своей комнате. Можешь находиться там, где захочешь. Это большой дом. Ты и так слишком долго сидела взаперти в одной комнате.

Я медленно киваю, не веря своим ушам.

– Не могу поверить, что мы действительно собираемся это сделать. Это безумие, верно?

– Так и есть. Не буду врать. Но насколько это будет безумно – зависит от нас. Если мы отнесемся к этому спокойно, все будет хорошо. Просто два человека живут вместе и состоят в липовом браке, чтобы ты могла обратиться к врачу и выбраться из своего ужасного дома. Ничего особенного.

Я позволяю этим словам проникнуть в мой разум. *В этом нет ничего особенного.*

– Ладно. Ты прав.

– Но у меня есть одна обязательная просьба, – говорит Джуд, складывая руки перед собой. Мой взгляд так и возвращается к рисункам и буквам, вытатуированным на них. – Она нарушает условия сделки.

– О-о-о! – я прищуриваюсь, глядя на него. – Что за просьба?

– Мне нужно встретиться с твоей матерью. Я должен сам рассказать ей, что мы делаем и почему.

Мой желудок сжимается от беспокойства.

– Джуд, не...

– Скайлар, я должен. Это правильный поступок. Она твоя мать.

– Да ей насрать, что я делаю! Ей всегда было плевать, – я смутно помню, как моя мама была любящей и внимательной в мои ранние детские годы, но эти воспоминания очень глубоко затерялись в моем сознании.

– Может быть, а может, и нет. Не имеет значения. Пускай тебе и восемнадцать, но ты все еще ее ребенок, и я не могу просто позволить тебе переехать ко мне и выйти за меня замуж, не встретившись с твоей матерью.

Мне это совсем не нравится. Я не могу представить Джуда сидящим на диване среди гор мусора и болтающим с моей матерью о женитьбе на мне. Она полностью отказалась от родительских обязанностей много лет назад. Эта встреча лицом к лицу будет катастрофично унижительной и неловкой.

– Какого черта, Джуд? – я хмурюсь. – А ты не можешь просто позвонить ей? Устроить видеочат?

Даже я не помню, когда в последний раз лицом к лицу разговаривала с матерью. Так повелось с тех пор, как горы вещей стали слишком высокими, чтобы я могла перелезть через них.

Он качает головой.

– Нет. Я должен сделать это правильно.

– Ты сам сказал, что это даже не настоящий брак!

– Но это законный брак. Это не подлежит обсуждению, Скайлар.

Несколько минут мы смотрим друг на друга, и становится ясно, что Джуд не намерен отступать. Я чувствую, что утопаю в его серых глазах, загнипнотизированная серебристыми искорками, и мне приходится отвести взгляд.

– Мне можно присутствовать на этой встрече?

– Конечно.

Если Джуд думает, что моя мать схватится за сердце и закричит: «О нет... не забирай мою малышку!» – то он выжил из ума. В лучшем случае она попросит у него денег.

– Ладно. Ты победил. Надеюсь, ты со своими широкими плечами втиснешься в мой дом.

– Шутница, – его ухмылка становится шире. – Если мы придумаем что-нибудь еще, мы добавим это к брачному контракту. Мне следует подготовить его на этой неделе, тогда мы сможем двигаться дальше.

Я встаю и придвигаю свой стул.

– У меня есть одно важное условие, – говорю я, улыбаясь ему. – Не целовать невесту на церемонии.

Джуд тоже встает и с важным видом пересекает комнату, чтобы поставить мою кружку в посудомоечную машину.

– Это само собой разумеется. Могу обещать тебе, Искорка, что никогда не буду пытаться поцеловать тебя.

Я игнорирую крошечный укол разочарования в моем сердце.

Глава 12

Джуд

Скайлар не шутила.

Несмотря на ее предупреждение, я испытываю шок, когда она открывает входную дверь своего дома, и мы заходим внутрь.

Повсюду сплошная мешанина всякого дерьма, наваленная от пола до потолка. Часть вещей хранится в коробках и пакетах, часть просто рассыпью. Одежда, сумки, консервы, журналы, книги и одеяла. Бутылочки с лосьоном и шампунем. Случайные предметы декора, просто брошенные где попало. Здесь словно взорвался магазин «Все за доллар», и эта женщина решила поставить диван и телевизор поверх беспорядка.

– Мама! – громко зовет Скайлар, когда мы протискиваемся по узким проходам и перелезаем через кучи поменьше. – Мы пришли.

Очевидно, она предупредила мать, что я приду, но не объяснила причину визита.

– О, хорошо! – отвечает ее мать совершенно нормальным, жизнерадостным голосом, который только усиливает ее образ сумасшедшей, учитывая тот факт, что два человека буквально пробираются в ее гостиную.

Когда мы, наконец, добираемся до дальнего конца комнаты, я вижу небольшое пространство вокруг дивана, достаточно свободное, чтобы мы могли здесь стоять. Краем глаза я замечаю, как под диваном шныряет то ли большой таракан, то ли маленькая мышь.

Что за фигня?!

Все, что я хочу сделать, это подхватить Скайлар на руки и унести ее к черту из этого места.

– Мам, это мой друг, Джуд, – смущенно произносит Скайлар, отмахиваясь от мухи. – Джуд, это моя мама, Николь.

Отвращение скручивается во мне кольцами, как кобра, когда я понимаю, что женщина, сидящая на зеленом велюровом диване, всего на несколько лет старше меня. Она не та пожилая женщина с седеющими волосами, на закате жизни родившая дочь, которую рисовало мое воображение.

Очевидно, что когда-то она была хорошенькой – более взрослая версия своей дочери, с длинными светлыми волосами и голубыми глазами. Но что-то, будь то трудные времена, алкоголь, наркотики или психическое заболевание, придало ей потрепанный и усталый вид. Ее волосы и кожа тусклые, ногти слишком длинные. На маленьком столике рядом с ней стоит ведерко с песком, которое она использует в качестве пепельницы. Я замечаю в ведре два бычка. Не живых существ, а окурки от косяков.

– Садитесь... – Николь делает движение вправо, сталкивая пакеты с чипсами и крендельками с дивана на пол.

Скайлар хватается меня за руку, прежде чем я успел пошевелиться.

– Нет, – возражает она. – Мы постоим. Мы здесь ненадолго.

Дискомфорт Скайлар ощутим, и я ее не виню. Это все равно, что стоять посреди свалки опасных отходов.

Проигнорировав ее порыв, я сажусь на диван рядом с ее матерью. Я уверен, что сживал в местах и похуже, когда был моложе и веселился в убогих номерах мотеля с незнакомцами.

Скрестив руки на груди, Скайлар остается стоять, ее глаза потемнели от нетерпения, губы плотно сжаты. Я почти уверен, что она прикусила язык.

Старая диванная подушка прогибается под моим весом, и я ударяюсь затылком обо что-то твердое. Поворачиваюсь и оказываюсь лицом к лицу с четырехфутовой статуей жирафа, чья шея свисает со спинки дивана.

– Что это, собственно, такое? – спрашиваю я, проводя рукой по его черному войлочному носу.

– Это жираф, – отвечает Николь.

– Но почему он здесь?

Мне нужно как-то попытаться понять логику этой женщины. Возможно, у нее есть веская причина собирать все эти вещи. Кто знает – может быть, в ее голове зреет некий план, в который Скайлар не посвящена.

Николь смотрит на статую с таким восхищением, что мне кажется, будто я подглядываю за интимным моментом.

– Потому что он красивый и стоил всего двести долларов, и у меня нет других жирафов, – отвечает она.

Нет. Здесь нет никакой логики. По крайней мере, доступной мне.

Кивнув, я бросаю на жирафа еще один взгляд и пытаюсь подобрать правильные слова, чтобы объяснить этой женщине, почему я попросил ее дочь выйти за меня замуж, чтобы затем я мог наконец-то убраться отсюда к чертовой матери.

– Мам, мы пришли сюда, чтобы сообщить тебе, что мы женимся и я съезжаю, – опережает меня Скайлар.

– Ты беременна? – обвиняющим тоном спрашивает Николь, ее взгляд прикован к животу дочери.

– Нет! – говорим мы оба одновременно.

– Тогда почему ты выходишь замуж? – говорит она Скайлар, затем поворачивается ко мне. – За *тебя*?

Я киваю.

– Потому что...

– Сколько тебе лет? – перебивает меня Николь.

– Мне тридцать четыре, но...

– Тебе тридцать четыре?! – пищит Скайлар, выпучив глаза. – Я не знала, что ты такой старый.

– Эй, я не *такой* старый! – защищаюсь я. У меня под рубашкой, черт возьми, шесть кубиков пресса, а не пивной живот.

– Ну, мне тридцать восемь, – как ни в чем не бывало заявляет ее мать. – Ты достаточно старый, чтобы годиться ей в отцы...

Да, если бы я был настолько глуп, чтобы в шестнадцать лет оплодотворить кого-то. Но я таким не был.

– Мы можем притормозить на секунду? – вскидываю я руки.

– Не имеет значения, сколько тебе лет. Это не настоящий брак, мама, – вмешивается Скайлар.

– Да, – подхватываю я. – То есть, это *настоящий*, законный брак. Но мы не вместе. Я не сплю с вашей дочерью.

Николь прижимает пальцы к вискам и закрывает глаза, как будто от этого разговора у нее болит голова. У меня-то она точно уже болит.

– Все это очень непонятно, – жалуется она.

– Я не хотел, чтобы это было так, – отвечаю я. – Мы женимся только для того, чтобы я мог включить Скайлар в свою медицинскую страховку и предоставить ей жилье. Она больна, и ей нужно обратиться к врачу. Ей нужны терапия и лекарства.

Моя кровь закипает, когда Николь закатывает глаза. Это не шутка, она закатывает глаза и откидывается на спинку дивана с глубоким драматическим вздохом.

– Эта девчонка всегда была нытиком. То желудок, то голова, то горло. То одно болит, то другое. Она занимается нытьем с тех пор, как ей исполнилось пять лет.

– Потому что я больна, мам. Какого хрена? – щеки Скайлар краснеют, и она в гневе бьет жирафа по морде. Его шея дергается от удара, и теперь он тупо смотрит на нас своими стеклянными глазами. – Ты застряла в безумном мире своих фантазий, а я выбираюсь из него!

– Ладно, успокойся, – я тянусь к руке Скайлар, но она с хмурым видом отстраняется, чуть не споткнувшись о коробку от мультиварки, стоящую посреди комнаты.

– Она даже не готовит! – кричит Скайлар, пиная коробку ногой в кроссовке. – Я же говорила, что ей будет все равно, Джуд. *Посмотри* на нее.

Я *смотрю* на нее, и с каждой секундой меня все больше злит отстраненное безразличие Николь. Она просто сидит на диване и листает журнал, не обращая внимания на эмоции своей дочери. Трудно сказать, то ли она стерва, то ли у нее что-то не в порядке с психикой. Или и то и другое, что представляет собой извращенную смесь.

Опираясь локтями на колени, я смотрю на Николь, надеясь, что она встретится со мной взглядом, но она упорно меня игнорирует.

– Я просто хотел, чтобы вы знали, что между нами ничего не происходит. Мы просто друзья. Я хочу помочь Скайлар, вот и все. У нее будет безопасное место для жизни, и она обратится к врачу.

Николь цокает языком.

– Ни один мужчина на планете не станет просто помогать хорошенькой молодой девушке, – растягивает она слова. – Я не вчера родилась.

– Прекрати, мам, – кипит Скайлар, качая головой. – Он не такой.

Николь бросает журнал на пол.

– Мне все равно, что ты делаешь. Это мой дом, и тебе лучше не брать ничего из моих вещей, когда будешь уходить.

Скайлар закатывает глаза, и я сожалею, что предложил эту встречу и заставил ее пройти через это.

– Господи Иисусе, мне не нужно ничего из твоего дерьма! Я пытаюсь убраться отсюда.

– И я не стану оплачивать свадебный банкет, – легкомысленно добавляет Николь.

– Никакого банкета не будет, – уверяю я ее.

– Хорошо. Не ждите, что я приду. Ваш брак не продлится и года.

Я даже не трачу время впустую, пытаюсь объяснить, что весь смысл нашего брака именно в том, что он не будет длиться вечно.

– Пожалуйста, мы можем уйти? – спрашивает Скайлар, ее глаза умоляют. – Меня тошнит от этой вони.

– Какой вони? – Николь задирает нос кверху. – Я ничего не чувствую.

Я думаю, что не чувствовать эти запахи – действительно настоящий феномен. Как, черт возьми, Николь может не обращать внимания на гнилостную вонь в доме, в котором она живет? Я здесь всего десять минут, и меня так и подмывает нюхнуть отбеливатель.

Поднявшись с дивана, я откашливаюсь.

– Приятно было познакомиться, – говорю я так вежливо, как только могу. Мне так много хочется сказать этой женщине о том, как она обращается со своей дочерью, но это только испортит нашу встречу, а я не хочу усугублять стресс Скайлар. – Я обещаю, что с вашей дочерью все будет в порядке, – *неважно, насрать тебе или нет*. – Если вам нужна помощь в уборке этого места, я подрядчик. Я и моя команда могли бы привезти мусорный контейнер, помочь вам навести порядок.

Николь смотрит на меня с внезапной яростью.

– Зачем мне это делать? Я не хочу выбрасывать свои вещи.

– Хорошо, – отвечаю я. – Дайте нам знать, если передумаете.

– Я не передумаю, – шипит она. – Забирай *ее*, но даже не думай пытаться взять отсюда что-то еще.

То, как она просто, не задумываясь, отдает свою дочь, выводит меня из себя, и я больше не могу сдерживаться.

– Вот черт, – говорю я. – А ведь мне так хотелось забрать этого гребаного жирафа домой, чтобы поставить в зимнем саду.

Николь смотрит на меня с пылающим гневом в глазах.

– Убирайся! – шипит она.

Скайлар хватается меня за запястье.

– Пойдем, Джуд. Пожалуйста.

Выйдя из дома, мы глотаем свежий воздух, пытаюсь очистить легкие от кислой вони. Уж не прячет ли эта стерва там труп своего мужа? Возможно, он никуда не уехал, как думает Скайлар.

Я курю, пока Скайлар сидит на крыльце, глядя на солнце, которое прячется за деревьями.

– Я же говорила тебе, – наконец произносит она ровным голосом. – Ей на меня наплевать.

Я ставлю ногу на ступеньку рядом с ней и наклоняюсь, чтобы встретиться с ней взглядом.

– Вообще-то, я так не думаю, – говорю я. – Я думаю, у нее что-то не в порядке с головой.

– С чего бы? – саркастически спрашивает она.

– Серьезно. Я думаю, ей *не* плевать. Она просто не может показать это или даже осознать для самой себя, – мне не нравится защищать это жалкое подобие матери, но я вынужден сказать хоть *что-то*, чтобы утешить Скайлар.

– Мне уже все равно, Джуд. Мой отец пытался ей помочь. Он действительно пытался. Она перестала принимать лекарства, перестала ходить к врачу. Я тоже пыталась ей помочь после того, как он ушел. Это просто... – она беспомощно пожимает плечами. – Это просто невозможно. Нельзя помочь тому, кто не хочет, чтобы ему помогли.

– Ты права.

Она поднимает голову и решительно смотрит мне в глаза.

– Я *хочу*, чтобы ты мне помог. Жаль, что я не могу обойтись без твоей помощи, но ты же видишь, с кем я живу.

Я выпускаю дым через нос и киваю. Скайлар не нужно, чтобы я что-то говорил.

– Я хочу покинуть это место сегодня вечером, – тихо говорит она. Почти шепотом. – Мы можем это сделать? Могу я переехать к тебе сегодня?

От неожиданности мой пульс учащается. Я не планировал, что Скайлар переедет ко мне так скоро. Я думал, у нас обоих будет больше времени, чтобы морально подготовиться. Не зря же говорят, что не следует принимать поспешных решений, потому что это обычно приводит к катастрофе.

Но к черту все это. Я никогда не славился тем, что избегал катастроф.

Бросаю сигарету на потрескавшуюся дорожку и затаптываю тлеющие угли ботинком.

– У тебя много вещей, Искорка? – спрашиваю я.

На ее лице медленно расплывается улыбка.

– *Все* они поместятся в твоём грузовике.

Глава 13

Скайлар

Даже не знаю, печально это или удобно, что все мои вещи поместились в кузов пикапа Джуда. И, по стечению обстоятельств, у моей матери в ванне под оптоволоконной рождественской елкой хранилась новенькая переноска для кошек.

Она разрешила мне взять переноску в качестве свадебного подарка.

Перед уходом я крепко обняла мать на прощание, и мое сердце защемило. Она не цеплялась за меня и не плакала. В глубине души мне хотелось, чтобы мама не желала меня отпускать. Несмотря ни на что, она моя мать, и я люблю ее. К сожалению, она превратилась в незнакомку, которую невозможно понять, и я не могу больше позволять ей причинять мне боль намеренно или нечаянно.

Я ехала вслед за Джудом на своем «Корвете», а Пусси громко мяукала из переноски, пристегнутая ремнем безопасности на пассажирском сиденье. Дом исчез в зеркале заднего вида, как размытое воспоминание, и, хотя комок эмоций подкатил к моему горлу, я знала, что никогда туда не вернусь.

Мы с Джудом отнесли мои вещи из грузовика вверх по его красивой дубовой лестнице в комнату со стенами малинового цвета. Вещей было немного: только моя одежда, разные мягкие игрушки, книги и туалетные принадлежности. Пока мы были в мамином доме, Джуд терпеливо убедил меня оставить холодильник в моей бывшей спальне. Не только потому, что потребовалась бы чертова уйма сил, чтобы вынести его из дома, но и потому, что мне нужно научиться пользоваться холодильником на кухне. Еду не следует прятать в спальне. Конечно, умом я это *понимала*, но сначала запаниковала. Мне казалось, что я не могу дышать при мысли о том, чтобы остаться без этого. Маленький холодильник был для меня волшебной коробкой, в которой хранилась еда.

Но я сделала это. Я оставила холодильник там, где он стоял.

Прежде чем мы в последний раз вылезли в окно, я отперла три засова на двери. Уверена, что в течение месяца моя комната и мебель будут погребены под лавиной бесполезных приобретений моей матери. Все мои следы будут уничтожены.

Раздается быстрый стук в дверь моей новой спальни, отвлекая меня от размышлений.

– Заходи, – я сижу на полу среди груды одежды, аккуратно складывая каждую вещь, чтобы положить в комоды и шкаф.

Входит Джуд, одетый в серые спортивные штаны и черную майку. Я не была готова к его вечернему расслабленному домашнему виду, но, черт возьми, его так и хочется сфотографировать, чтобы потом выложить фото в «Инстаграм» с хэштегом #graysweats.

– Тебе что-нибудь нужно перед сном? – спрашивает Джуд, возвышаясь надо мной.

У меня пересыхает во рту, чего нельзя сказать о *других* частях моего тела.

Я справлюсь. Я смогу жить с красивым мужчиной, при этом не таращась на него во все глаза и не падая в обморок от избытка чувств. Не говоря уже о том, что ему тридцать четыре, черт возьми! Почти столько же, сколько моим родителям. Это совершенно не сексуально.

– Нет, у меня все есть, – я быстро отвожу от *него* взгляд и кладу свитер, который только что сложила, поверх стопки трусиков, все это время лежавших на виду. – Просто убираю свои вещи. У меня никогда не было столько места и столько ящиков.

Джуд улыбается, но это скорее грустная улыбка, чем счастливая.

– Уже поздно, тебе не обязательно делать все это сегодня вечером.

– Я не устала, – возражаю я. Мой мозг – ураган беспокойства, страха, надежды и волнения. Я ни за что не смогу заснуть, если не буду достаточно занята, чтобы успокоиться.

Джуд кивком указывает на Пусси, которая свернулась калачиком на кровати с игрушечной мышкой.

– Похоже, она уже освоилась.

Я улыбаюсь.

– На удивление, да. Я думала, она будет в шоке и неделями предпочтет прятаться под кроватью.

– Завтра можно попробовать познакомить ее с Кэсси. Но я думаю, они подружатся.

– Надеюсь на это, – а пока я держу Пусси в своей комнате с закрытой дверью.

Джуд зевает и потирает затылок, а затем хрустит шеей.

– Ладно, я иду спать. Увидимся завтра.

– Спокойной ночи, – отвечаю я, но затем останавливаю его, как только он подходит к двери. – Пстой... Джуд?

– М-м? – он снова поворачивается ко мне.

Я провожу языком по краю своих зубов.

– Спасибо. За все, что ты для меня делаешь, – я чувствую, что должна обнять его, но, с другой стороны, также чувствую, что не должна.

Он подмигивает мне и ухмыляется.

– Добрых снов, Искорка.

Как только Джуд закрывает за собой дверь, я делаю долгий, успокаивающий вдох. Он действительно хороший парень. Он не косился на меня, сидящую здесь в белой футболке без лифчика. Он не делал никаких сексуальных намеков. Он заранее позаботился о том, чтобы дать мне мой собственный ключ. Он не сделал ничего, разве что создал ощущение, будто я в гостях у друга.

Но все же у меня в животе скрутился слабый комок страха. Возможно, я совершаю ужасную ошибку. Что, если что-то пойдет не так, и мне придется съехать? Я не смогу вернуться к маме, ведь лавина ее вещей уже завалит мою комнату. Куда мне идти? Не окажусь ли я в еще худшей ситуации, чем была вначале? Возможно, мне придется жить в своей машине или под мостом.

О Боже.

«Нет, – безмолвно говорю я себе, убирая одежду. – Со мной все будет в порядке».

Уже почти два часа ночи, когда я, наконец, выключаю свет, забираюсь в постель и накрываюсь новым мягким одеялом. Утыкаюсь лицом в подушку, вдыхая запах чистоты. Я даже не знаю, что это за аромат, кроме того, что он пахнет свежестью. Комфортом. Несмотря на то, что я люблю старые, винтажные вещи, пребывание в этой комнате, полной новых постельных принадлежностей и мебели, – это желанная перемена. Все, что я хочу делать, это дышать, дышать и дышать, как будто чистота может каким-то образом проникнуть внутрь меня и дать мне новое начало.

Будем надеяться, что это *и есть* новое начало.

Глава 14

Скайлар

Три недели спустя

Сегодня важный день.

В какой-нибудь альтернативной реальности это был бы самый счастливый день в моей жизни. Я бы нарядилась в белое платье. Зная меня, это было бы что-то богемное, длинное и кружевное, с сотнями крошечных пуговиц. Я бы надела винтажные кожаные ботинки. Мой отец расхаживал бы снаружи, готовясь повести меня к алтарю. Моя мать бы изо всех сил старалась помочь мне справиться с волнением. Меган в роли подружки невесты твердила бы мне, какая я красивая и как мне повезло, что у Джуда отличное тело и волосы. Я бы сказала «да» мужчине моей мечты, и мы бы начали жить долго и счастливо.

Но реальность такова, что я не верю ни в свадьбу, ни в Того Самого, ни в «долго и счастливо». И в этот день со мной нет никого, кроме Джуда.

Женщина-священник по имени Кэрол должна прибыть в течение часа. Церемония будет проходить рядом с цветником в дальнем углу заднего двора Джуда, под старой беседкой, увитой вьющимися лозами.

Что надеть на свадьбу, если она ненастоящая?

Я уже пять минут стою перед шкафом, покусывая губу, и задаю себе этот вопрос. В конце концов я выбираю кокетливую белую юбку, напоминающую балетную пачку, и облегающее трико из черного кружева с длинными рукавами. Поверх набрасываю винтажную мотоциклетную куртку из черной кожи и натягиваю розовые кроссовки-конверсы вместе с белыми кружевными носками. Дополняю наряд маленькой вуалью, прикрепленной к заколке для волос, и распускаю ее веером по затылку. Улыбаюсь своему отражению в зеркале в полный рост. Наряд очень милый. Особенно белая юбка. Я хочу выглядеть *хотя бы немного* похожей на невесту, чтобы женщина-священник поверила, что мы женимся по любви. Минувшим вечером мы с Джудом договорились: нельзя ей показывать, что наши клятвы *быть в горе и радости, пока смерть не разлучит нас*, – полная чушь.

Если она узнает, что это брак по расчету, то может отказаться женить нас.

Нанеся макияж и сбрызнув себя приобретенными в бутике *Belongings* духами, я спускаюсь вниз. Джуд сидит в плетеном кресле в зимнем саду в компании Кэсси и Пусси, которым, как и нам, оказалось вполне комфортно жить под одной крышей. Они научились счастливо сосуществовать в одном пространстве и не мешать друг другу.

– Привет, – говорю я. – Кэрол скоро должна приехать.

– Ага, – Джуд поднимает голову от своего телефона, и его взгляд медленно путешествует от моего лица вниз по телу. Мой живот трепещет, когда взгляд Джуда задерживается на моих длинных ногах и слабая улыбка восхищения появляется на его губах. Но когда его взгляд опускается на мои ступни, а затем быстро возвращается обратно к моему лицу, его улыбка исчезает.

– Скайлар, тебе нельзя быть на церемонии в розовых кроссовках.

Я смотрю вниз на свои ноги.

– Почему?

– Потому что в них ты выглядишь слишком молодо.

Я поднимаю голову и смотрю на Джуда. Это всего лишь кроссовки. Я же не вошла в комнату с погрешкой в руке.

– Ну, *так я и* молода.

– Знаю, но мы собираемся пожениться. Мы не обязаны афишировать твой возраст священнику.

Я демонстративно скрещиваю руки на груди.

– Многие люди носят розовые кроссовки. И я не буду выходить за тебя замуж, если ты стыдишься меня, Джуд. К черту это все.

Он вздыхает и откладывает телефон на маленький столик рядом с собой.

– Я не стыжусь тебя. Но ты выглядишь молодо для своего возраста. Люди всегда предполагают худшее. Я не хочу, чтобы кто-нибудь подумал, что я что-то сделал с тобой.

Даже не знаю, как это понимать: кем, по мнению Джуда, является этот «кто-нибудь» или чем это «что-то» может быть.

– Что, например, ты мог со мной сделать? – спрашиваю я. – Накачал меня кокаином и потащил на задний двор, чтобы я вышла за тебя замуж?

– Нет, например, навязывал тебе свою заботу или промывал мозги, чтобы у тебя возник стокгольмский синдром или еще какая-нибудь хрень с удержанием против воли.

Хмуро смотрю на него и поднимаю руку, чтобы взъерошить себе волосы.

– Я даже не знаю, что это такое.

– Неважно, – качает головой Джуд. – Может, ты пойдешь и наденешь какую-нибудь другую взрослую обувь? Только для церемонии? Священник будет первым человеком, который увидит нас вместе как так называемую пару, и...

Теперь я понимаю. Джуд беспокоится о том, как мы выглядим *в паре*. Мы живем в одном доме, но нигде не бываем вместе. И я понимаю, что со стороны мы можем показаться немного не подходящими друг другу. Лично мне все равно, но, возможно, *Джуда* это волнует.

– Ладно, – соглашаюсь я. – Но я не думаю, что другая обувь поможет мне выглядеть старше.

Я возвращаюсь в свою комнату и переобуваюсь в единственную имеющуюся у меня пару обуви, которая, как мне кажется, будет выглядеть достаточно взросло, чтобы удовлетворить Джуда, – в черные лодочки на четырехдюймовой шпильке. Я надевала их только один раз, и это было на вечеринке в честь Хэллоуина в прошлом году, когда я нарядилась женщиной-кошкой. Меган убедила меня, что каблуки выглядят сексуально.

Но когда я спускаюсь вниз, Джуд вновь окидывает меня оценивающим взглядом, задержав его на обуви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.